Девушка, которая искала чужую тень

Автор:

[Давид Лагеркранц](#)

Девушка, которая искала чужую тень

Давид Лагеркранц

DETECTED. Тайна, покоровшая мир Millennium #5

Перед вами – долгожданное продолжение легендарной серии MILLENNIUM Стига Ларссона, пятый роман о неукротимой Лисбет Саландер. Новые опасности угрожают жизни легендарной «девушке с татуировкой дракона». Кроме того, в книге погибает один из основных персонажей серии...

Стало реальностью то, о чем Лисбет давно догадывалась: она узнала, что значительная часть ее жизни – чей-то жестокий эксперимент. Много лет назад группа шведских ученых затеяла широкомасштабное и крайне секретное исследование. Оно было направлено на изучение развития личности в несходных жизненных условиях. А экспериментальным материалом должны были стать... дети. Такие, как Лисбет и ее сестра. С тех пор утекло много воды, но по земле еще ходят не только участники этого дикого эксперимента, но и те, кто его затеял. Лисбет и ее давний друг журналист Микаэль Блумквист не намерены успокаиваться, пока не узнают всю правду об этом проекте и не восстановят справедливость, которую Саландер понимает однозначно: око за око, зуб за зуб...

Давид Лагеркранц

Девушка, которая искала чужую тень

David Lagercrantz

MANNEN SOM SÖKTE SIN SKUGGA

Mannen som sökte sin skugga © David Lagercrantz & Moggleden AB, first published by Norstedts, Sweden, in 2017.

Published by agreement with Norstedts Agency

© Боченкова О. Б., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Лисбет Саландет – из тех литературных персонажей, которые сами ведут автора за собой. Новый роман Давида Лагеркранца – очередное подтверждение того, что вселенная «Миллениума» может расширяться бесконечно».

Игорь Кириенков

Афиша Daily

Пролог

– И потом, эта татуировка... Я давно хотел спросить, почему для тебя это так важно?

Хольгер Пальмгрен сидел в инвалидном кресле в комнате свиданий женской колонии во Флудберге.

– Это связано с моей мамой.

– С Агнетой?

– Я была тогда совсем маленькая... Лет в шесть я убежала из дома.

– Кажется, теперь припоминаю. Это как-то связано с той женщиной... кажется, у нее было родимое пятно...

– Оно как будто горело на ее шее.

– Будто дракон полыхнул огнем, да?

Часть 1

Дракон

12–20 июня

В 1489 году Стен Стуре-старший повелел вырезать из дерева скульптуру в честь победы над датчанами при Брункеберге[1 - Имеется в виду деревянная скульптура, предположительно вырезанная мастером Б. Нотке по заказу регента Стена Стуре-старшего (1440–1503) в честь победы над датчанами в битве при Брункеберге (1471).]. Скульптура – сейчас она находится в церкви Святого Николая в Стокгольме – изображает святого Георгия на коне с поднятым мечом. Поверженный дракон лежит под копытами коня. Рядом женская фигура в бургундском одеянии. Последняя изображает деву, спасенную святым Георгием из лап чудовища. Говорят, резчику позировала сама супруга Стена Стуре-

старшего, Ингеборг Окесдоттер. Лицо девы на удивление невозмутимо.

Глава 1

12 июня

На выходе из спортзала Лисбет Саландер остановил начальник охраны Альвар Ульсен. Похоже, парень волновался не на шутку – лепетал нечто невнятное и размахивал какими-то бумагами. Лисбет его не слушала. Часы показывали половину восьмого – худшее время во Флудберге. Время, когда снаружи, грохоча, проезжает грузовой состав. Когда трясутся стены, гремят ключи, пахнет потом и парфюмерией. Опасное время. Какие только зверства не творятся за дверями камер, когда звуки железной дороги заглушают голоса истязуемых... Лисбет рассеянно обводила взглядом помещение и, конечно же, не случайно именно в этот момент увидела Фарию Кази.

Молодая и красивая Фария была родом из Бангладеш. Лисбет остановилась как раз напротив ее камеры, слева по коридору. Отсюда она могла видеть только лицо Фари, но этого было достаточно, чтобы понять, что происходит. Голова девушки дергалась из стороны в сторону. Ее били по щекам. Судя по всему, несильно, но Саландер бросилась в глаза покорность, с которой Фария принимала удары. Избиение походило на ритуал. Ни инстинктивно поднятой руки, ни удивления во взгляде – только тупой ужас. Фария притерпелась к боли и унижению, Лисбет прочитала это на ее лице. За несколько недель пребывания в тюрьме она успела насмотреться всякого.

– Там. – Лисбет показала рукой в сторону камеры Фари.

Но все было кончено, прежде чем Альвар Ульсен успел отреагировать. Саландер прошмыгнула в свою камеру и закрыла дверь. Снаружи раздавались голоса, приглушенный смех – и снова этот грохот, который никак не хотел кончаться. Лисбет оглядела помещение. Блестящий таз, узкая кровать, полка с книгами, письменный стол и на нем ее тетрадь. Самое время продолжить расчеты по теории квантово-петлевой гравитации.

Лисбет посмотрела на свою руку. Только сейчас она заметила, что держит какие-то бумаги. Вероятно, те самые, которыми Альвар только что размахивал перед ее носом. Саландер поднесла к глазам первый листок, перепачканный сверху кофейными пятнами, и фыркнула – что за чушь? Тест на интеллект! Бумаги выскользнули из ее руки и веером легли на бетонном полу. Лисбет сразу же о них забыла. Перед глазами снова встало лицо Фари. Саландер прекрасно знала, кто ее избивает, хотя ни разу не застала злоумышленницу на месте преступления. С самого начала Лисбет поставила себя вне тюремной жизни, но волей-неволей постепенно втягивалась в нее, пока не стала понимать, кто на самом деле заправляет в подразделении.

«Подразделение Б», иначе называемое «Зоной повышенного контроля», было на первый взгляд самым безопасным местом в колонии. Это бросалось в глаза каждому случайному посетителю. Нигде не держали так много охраны, не запускали столько реабилитационных программ. Но стоило присмотреться внимательнее – и картина менялась. Становилось понятным, что охранники, с виду жесткие и даже пытавшиеся изображать нечто вроде сострадания к заключенным, на самом деле давно утратили всякий авторитет и подпали под власть «гангстерши» Бенито Андерссон и ее клики. Разумеется, и Бенито приходилось блюсти приличия. В первой половине дня она держалась как образцовая заключенная. Но после обеда, когда ее подруги по несчастью возвращались из спортзала или комнаты свиданий, превращалась в тираншу. За закрытыми дверями камер власть ее не знала границ. Какие только угрозы, посулы и обещания не вышептывались шнырявшими в коридорах ее товарками... Мир тюрьмы делился на два неравных лагеря: приспешниц Бенито и ее жертв.

* * *

Конечно, одно то, что Лисбет Саландер находилась в заключении, было большим скандалом. Но обстоятельства сложились не в ее пользу, и Лисбет, честно говоря, почти не сопротивлялась им. Эти два месяца своей жизни она словно заключила в скобки. С равным успехом Лисбет могла бы провести их в каком-либо другом месте. Причиной всему было ее участие в драме, разыгранной после убийства профессора Франса Бальдера. Тогда Лисбет на свой страх и риск спрятала страдающего аутизмом восьмилетнего мальчика. Она отказалась сотрудничать с полицией, поскольку совершенно справедливо полагала, что в следственной группе произошла утечка информации. За это Лисбет приговорили к двум месяцам тюрьмы. А если точнее – за самоуправство и общественно

опасные действия. Собственно, никто не оспаривал ни заслуг Саландер, ни того, что она спасла жизнь ребенку. Тем не менее государственный обвинитель Рикард Экстрём гнул свою линию с большим пафосом. И победил, несмотря на несогласие народных заседателей и блестящую работу адвоката Саландер Анники Джаннини.

Лисбет молчала на протяжении всего процесса и отказалась обжаловать приговор. Все, чего она хотела, – чтобы этот спектакль поскорее закончился. Поэтому, как и следовало ожидать, оказалась в открытой тюрьме «Бьёрнйерда Горд», где содержалась на особом положении. Пока не поступила информация о том, что ее жизнь под угрозой. Это не было неожиданностью, с учетом того, что представляли собой ее противники. Перевод во Флудбергу, где отбывали сроки самые опасные преступницы Швеции, не встретил никаких возражений с ее стороны. Здесь Лисбет постоянно окружала охрана. Благополучная статистика «Поразделения Б» – ни одного случая издевательств над заключенными за много лет – не была липой. Кого волновало, что она охватывала период до появления в тюрьме заключенной Бенито Андерссон...

* * *

Того, что Лисбет придется столкнуться с разного рода провокациями, также следовало ожидать. В этом мире она была известной личностью, и не только благодаря СМИ. У преступников свои каналы для распространения информации. Спустя несколько дней после появления Лисбет в тюрьме Бенито лично сунула ей в руку бумажку с одним-единственным вопросом: «Ты друг или враг?» Саландер скомкала ее через минуту – примерно столько ей потребовалось, чтобы разобрать каракули Бенито. Лисбет не интересовала ни борьба за власть, ни тюремные склоки – ничего, кроме квантовой механики. При этом она подмечала вокруг более чем достаточно.

Теперь Лисбет рассеянно оглядывала полки с книгами по теории поля, которые заказала перед отправкой в тюрьму. В шкафу слева лежал пакет с тюремной одеждой, помеченной, как и положено, буквами KV[2 - Сокращенное обозначение системы исправительных учреждений в Швеции (от шв. Kriminalvård).] на груди, две пары кроссовок и кое-что из белья. Стены были голыми – ни единой фотографии, напоминающей о жизни на воле. Обустройство жилища занимало ее здесь так же мало, как и дома, на Фискаргатан. Вот в коридоре заскрежетали замки – начали запирают камеры. Для Лисбет этот звук

означал свободу. Обычно она уходила в свою математику, прежде чем все успевало стихнуть. Но на этот раз ничего не получилось. Никакие попытки примирить квантовую механику с теорией относительности не могли отвлечь Лисбет от действительности. И дело здесь было не только в Фарие Кази.

Шесть дней назад Саландер навестил бывший опекун Хольгер Пальмгрен. Его визит сам по себе был большим событием. Хольгер почти не выходил из своего дома в Лильехольмене, где не мог прожить ни дня без медсестер и сиделок. И все-таки он явился. Хольгер прибыл на машине транспортной службы и въехал в здание тюрьмы на инвалидном кресле, тяжело пыхтя и не снимая кислородной маски. Что и говорить, с его стороны это было мило. Он не на шутку расчувствовался, когда они с Лисбет вспоминали старое. Только одно смутило ее. Пальмгрен рассказывал о встрече с некоей Май-Бритт Торелль, секретаршей из приемного отделения детской психиатрической больницы Святого Стефана, где Лисбет в детстве проходила курс лечения. Женщина читала о ней в газетах и решила передать через Хольгера кое-какие бумаги из больничного архива, которые, как ей казалось, могли бы заинтересовать их бывшую пациентку. Хотя, по словам Хольгера, это были не более чем старые сплетни об ужасных больничных условиях и врачах-изуверах.

- Ничего стоящего, - подытожил Пальмгрен.

Но Лисбет, похоже, не вполне ему верила. Когда она упомянула женщину с родимым пятном, словно пылающим на шее, Хольгер неожиданно спросил:

- Она, кажется, тоже была связана с Реестром?

- С каким Реестром? - не поняла Саландер.

- С Реестром изучения генетики и среды. Был такой проект в Уппсальском университете. Помнится, я где-то о нем читал.

- Может, об этом есть что-то в бумагах фру Торелль? - предположила Лисбет.

- Ты думаешь? - засомневался Пальмгрен. - Хотя, может, я что-то проглядел.

Вполне возможно, что так оно и было. Ведь Хольгер был старик. Тем не менее этот их разговор лишил Лисбет покоя. Он не шел у нее из головы ни когда она молотила в спортзале боксерскую грушу, ни на следующее утро в гончарной мастерской, ни вечером, когда она снова стояла в камере, уставив глаза в пол. В поле ее зрения попали листки с IQ-тестом. Лисбет вдруг показалось, что между ними и тем, что говорил Хольгер, существует какая-то связь. Саландер сама не понимала, откуда взялось это предчувствие. Она помнила только, что женщина с родимым пятном тоже давала ей разные тесты. Обычно это заканчивалось слезами и истерикой, пока однажды ночью шестилетняя Лисбет не убежала из дома. Но было что-то еще, кроме тестов и этого бегства. Странное подозрение, что она не понимает в своем детстве чего-то очень важного, что непременно должна выяснить.

Но это возможно было сделать не раньше, чем она выйдет на свободу. И еще Лисбет думала об Альваре Ульсене. Сегодня он не в первый раз закрыл глаза на избиение заключенной. Подразделение, до сих пор считавшееся образцовым, разлагалось на глазах, и Саландер спрашивала себя, сможет ли Ульсен устроить для нее то, чего ни у кого нет в тюремных стенах, – выход в Интернет.

Лисбет прислушалась. Из коридора доносились ругательства вперемежку с увещеваниями. А потом лязгнула дверь, заскрежетал замок и застучали удаляющиеся шаги. Наконец все стихло. Кроме негромкого жужжания вентиляторов, от которых все равно не было никакого толку, – в камере стояла нестерпимая духота.

Лисбет не сводила глаз с белых листков на полу. Она думала о Кази и Бенито, Альваре Ульсене и даме с пылающим родимым пятном на шее.

Наконец Саландер наклонилась, подобрала бумагу, села за стол и принялась небрежно набрасывать ответы. Когда все было готово, Лисбет подошла к стальной двери и нажала серебристую кнопку. Ей пришлось подождать, прежде чем в динамике послышался раздраженный голос Альвара Ульсена. Лисбет просила его о встрече. «Это срочно», – настаивала она.

12 июня

Альвар Ульсен хотел домой, прочь отсюда. Но прежде предстояло разделаться с бумажной работой и, конечно, позвонить девятилетней дочери Вильде. За ней, как обычно, присматривала тетя Альвара, Черстин.

Вот уже двенадцать лет Альвар возглавлял подразделение повышенного контроля во Флудберге. Он гордился своей работой и показал себя толковым специалистом. В молодости Альвар спас страдавшую алкоголизмом мать. Он принадлежал к тем увлекающимся натурам, что всегда принимают сторону жертвы. Неудивительно, что эта установка привела его в полицию, где он быстро снискал безупречную репутацию среди коллег. Впрочем, времена, когда Альвар был идеалистом, давно остались в прошлом.

Первый удар нанесла жена, когда, бросив дочь на попечение Альвара, уехала в Оре вместе с его бывшим шефом. И все-таки это Бенито окончательно опустила его с небес на землю. Альвар привык считать, что в любом преступнике есть доброе начало. Но многочисленные попытки обнаружить нечто подобное в Бенито – будь то со стороны ее бойфрендов или подруг, адвокатов, психотерапевтов или священников – успехом так и не увенчались. Собственно, изначально ее звали Беатрис, прозвище «Бенито» она выбрала себе сама, в честь известного итальянского фашиста[3 - Имеется в виду Бенито Муссолини (1883–1945) – лидер Национальной фашистской партии и премьер-министр Италии в 1922–1943 гг.]. Беатрис-Бенито носила на шее татуировку со свастикой. Ее коротко обкромсанные волосы торчали ежиком. Лицо отличала необыкновенная болезненная бледность.

Несмотря на все это, отталкивающего впечатления она не производила. Ее крупное, почти мужское тело излучало особую грацию, которая вызывала восхищение многих. Хотя большинству тех, кто знал Бенито, она не внушала ничего, кроме смертельного ужаса. Вся тюрьма говорила о ее яванских кинжалах, какие еще называют «крис» или «керис»[4 - Крис, или керис, – национальный яванский кинжал с характерной асимметричной формой клинка.]. По слухам, Бенито уже заколола ими троих человек. Стоило ей направить на кого-нибудь такой кинжал – и беднягу считали покойником. Таким образом она объявляла смертный приговор.

Разумеется, в действительности никаких кинжалов заключенная Бенито Андерссон в тюрьме хранить не могла. Но слухи растекались по тюремным коридорам, сеяли ужас в камерах и создавали Бенито недвусмысленную репутацию, так хорошо вязавшуюся с ее грозным видом.

Альвару было что противопоставить ее брутальности. Он имел рост сто девяносто сантиметров, весил восемьдесят восемь килограммов и еще мальчишкой без труда справлялся с пьяницами, домогавшимися его матери. Но Бенито быстро нащупала его уязвимое место. Как-то раз она отыскала его в тюремном саду и в подробностях, вплоть до малейших деталей, описала каждую лестницу и коридор школы в Эребру, куда он каждое утро отводил дочь. Особенно кабинет на третьем этаже, где занимался третий «А» класс. «Я направила кинжал на твою малышку», – прошептала Бенито. Этого оказалось достаточно, чтобы Альвар прогнулся и уступил ей власть.

Он не сомневался в продажности кое-кого из своих коллег – например, подхалима Фреда Стрёммера. Летом, когда тюрьма переполнена малодушными стажерами, работать особенно тяжело. В затхлом воздухе вверенного Альвару подразделения витал страх. И то, что директор тюрьмы Рикард Фагер был идиотом, разумеется, нисколько не способствовало оздоровлению обстановки. Фагера заботило, чтобы фасад был как следует отполирован. Какое ему было дело до того, что внутри все прогнило!

Каждый раз при встрече с Бенито у Альвара внутри все холодело от ужаса. Такова психология слабейшего – одна только встреча с противником отнимает у него силы. Бенито словно пила его кровь. Но самым страшным было то, что Альвар не мог защитить от нее Фарию.

Фария Кази отбывала срок за убийство старшего брата, которого якобы вытолкнула из окна их квартиры в Сикле[5 - Сикла – район в Стокгольме.]. При этом ничто в ее характере не указывало на склонность к агрессии или насилию. Бо льшую часть времени Фария проводила за книгами и часто плакала. Полицейские определили ее во Флудбергу, опасаясь суицида и угроз извне. Фария казалась совершенно потерянной и забытой всеми, включая земляков. Обыкновенные заключенные также не выказывали желания с ней общаться и как будто не замечали ее, несмотря на редкую красоту. Зато садисты всех мастей так и роились вокруг несчастной девушки. Рядом с ней Альвар по-настоящему ненавидел и себя, и свое бессилие.

Не меньшие опасения вызывала у него новая заключенная, Лисбет Саландер. Разговоров о ней было не меньше, чем о Бенито. Та еще штучка, судя по всему. Одни восхищались ею, другие считали ее репутацию непомерно раздутой и только и мечтали о том, чтобы поставить Саландер на место. К числу последних Альвар относил и «гангстершу» Бенито, каждым своим движением, каждым натянутым мускулом выражавшую готовность до конца бороться за власть. Что, если «гангстерша» и в самом деле разузнает что-нибудь о Саландер по своим каналам? Удалось же ей раздобыть информацию об Альваре и его дочери...

Но ничего не происходило. Даже когда Саландер – несмотря на все особенности ее положения – разрешили работать в гончарной мастерской и тюремном саду. Там она проявила себя не с лучшей стороны. Ее керамические вазы были самыми уродливыми из тех, какие только Альвар видел в своей жизни. Общительностью Саландер также не отличалась. Она казалась погруженной в свой мир и не обращала ни малейшего внимания ни на взгляды и реплики окружающих, ни на тычки, которые исподтишка отпускала ей Бенито. Все это Лисбет словно стряхивала с себя, как мусор и птичий помет, и единственным человеком, которого она замечала вокруг, оставалась Фария Кази. Ее Лисбет постоянно держала под наблюдением. Дело пахло серьезным конфликтом, и это не могло не беспокоить Альвара.

Он ведь, несмотря на все трудности, с каждой из заключенных работал по индивидуальной программе и очень гордился этим. У каждой из женщин его подразделения был свой распорядок дня, в зависимости от проблемы и методов ее решения. Многие учились; другие проходили реабилитационные курсы под руководством психологов и кураторов, осваивали новые профессии. Лисбет Саландер, как следовало из бумаг, надо было предоставить возможность получить аттестат о среднем образовании. По крайней мере, подготовить ее к этому. Она никогда не посещала гимназию и даже не окончила курса основной школы. Похоже, весь ее трудовой стаж ограничивался двумя месяцами работы в частном охранном предприятии. Неудивительно, что она давно имела проблемы с полицией, хотя за решеткой оказалась впервые. Такие бездельники легко сбиваются с пути.

И все-таки в целом картина не складывалась. Прежде всего Альвара смущало одно происшествие, крепко врезавшееся ему в память. Его нельзя было назвать досадным; напротив, за последние несколько лет в подразделении Альвара не происходило ничего более приятного и удивительного.

Дело было несколько дней назад, в столовой, после раннего ужина в пять часов пополудни. Заключенные успели вымыть посуду и убраться в зале, а Альвар все сидел в одиночестве рядом с мойкой. Делать ему здесь, собственно говоря, было нечего. Обедал он с персоналом, а в столовой заключенные управлялись сами. Они имели собственный бюджет, которым распоряжались выбранные старосты Жозефин и Тина – обе приспешницы Бенито. Женщины закупали продукты, заказывали блюда и следили за тем, чтобы еды хватило на всех.

Распоряжаться едой в тюрьме всегда означало иметь власть. Не было ничего удивительного в том, что время от времени старосты обделяли одних, в то время как другие – например Бенито – получали самые лакомые куски. Поэтому за кухней нужен был глаз да глаз. Кроме того, здесь хранился единственный на все подразделение нож. Он был тупой и висел прикрепленный к стальному тросу и тем не менее в умелых руках мог стать опасным оружием. Поэтому Альвар заходил на кухню в перерывах между своими занятиями – проверить его сохранность.

Дело в том, что Альвар хотел уйти из Флудберги, получить другую специальность. Но для парня, который нигде толком не учился и всю жизнь проработал в тюрьме, вариантов было немного. Альвар поступил на заочное отделение школы бизнеса. На тюремной кухне, где еще витал запах картофельных котлет и ягодного джема, он читал о том, как оцениваются опционы на акции на финансовых рынках, но понимал, по правде сказать, не так много. В тот момент, когда в дверях появилась Лисбет Саландер, он пытался решить задачу из практической части учебника.

Лисбет вошла на кухню перехватить чего-нибудь съестного. Она выглядела хмурой и как будто думала о чем-то своем. Альвар как ни в чем не бывало продолжал свои расчеты. Он понимал, что раздражает Лисбет. До сих пор все его попытки установить с ней контакт терпели неудачу, и у Альвара не было никакого желания в очередной раз ставить себя в неловкое положение.

Когда Лисбет приблизилась и пристально на него посмотрела, Альвар смутился. Он и раньше не выдерживал ее взгляд. Он поднялся, чтобы уйти, но Саландер выхватила у него карандаш и набросала несколько цифр в его тетради.

– При такой волатильности модель Блэка-Шоулза работает неважно.

И исчезла, прежде чем Альвар успел понять, в чем дело. Она и не подумала оглянуться на его зов. Просто пошла дальше, словно он вдруг перестал для нее существовать. Только поздно вечером, сидя за компьютером, Альвар вдруг понял, что Саландер потребовалось меньше секунды времени, чтобы правильно решить его задачу. Не моргнув глазом она подвергла критике отмеченную Нобелевской премией модель ценообразования опционов. Альвару тут же захотелось познакомиться с Саландер поближе. Если не сдружиться, то по крайней мере как-то повлиять на ее судьбу, помочь осознать степень собственного таланта.

Он долго размышлял над тем, каким должен быть его следующий шаг, пока наконец не придумал – IQ-тест! В кабинете Альвара они лежали кипами, напоминая о неустанных попытках судебных психиатров выявить у Бенито степень алекситимии, или нарциссизма, или чем там она еще страдала. Некоторые из них Альвар опробовал на себе лично и не сомневался, что девушке, так легко справившейся с математической задачей, не составит труда набрать самый высокий балл. Кто знает, может, это как-то изменит ее отношение к жизни... Именно поэтому Альвар и подстерегал Лисбет в коридоре на выходе из тренажерного зала.

Ему показалось, что при виде его лицо Лисбет оживилось, и он даже решился сделать ей комплимент. Наивный, вообразил, что контакт уже установлен...

Лисбет взяла тест, но потом произошло нечто непредвиденное: снаружи загрохотал состав. Альвар видел, как напряглась Саландер, как потемнел ее взгляд, и тоже смутился, начал запинаться и наконец дал ей ускользнуть.

После этого он велел коллегам проверить, заперты ли двери в камерах, а сам отправился в так называемый административный отсек, отделенный от остальной части корпуса массивной стеклянной дверью. Из тюремного персонала Альвар один располагал собственным кабинетом, размером не больше одиночной камеры и ненамного более уютным. Окна выходили на прогулочный двор, окруженный стальной изгородью и серой бетонной стеной. И все-таки, в отличие от камер, здесь были компьютер с Интернетом и пара мониторов, подключенных к установленным по всему корпусу камерам видеонаблюдения, а также кое-какие безделушки, придающие камерке Альвара хоть какую-то видимость домашнего уюта.

Часы показывали 19.45. Камеры были заперты. Поезд уже прогрохотал в направлении Стокгольма, а коллеги перекусывали в буфете. Альвар черкнул пару строчек в дневнике и с грустью подумал о том, что в последнее время перестал быть до конца откровенным с самим собой. Он отложил дневник и перевел взгляд на доску объявлений, где висели фотографии Вильды и матери, вот уже четыре года как покойной.

За окном зеленел сад – как цветущий оазис посреди серого тюремного ландшафта. Небо было чистым. Альвар снова взглянул на часы. Самое время позвонить домой, пожелать Вильде спокойной ночи. «Приятных снов, мое сокровище!» Альвар поднял трубку, но номер набрать не успел: на стене замигала красная сигнальная лампа.

Альвар взглянул на дисплей: номер семь, камера Лисбет Саландер. Он почувствовал, как заколотилось сердце. Никогда раньше Саландер не пользовалась кнопкой тревоги. Заключение знали, что не стоит беспокоить администрацию по пустякам.

– Что случилось? – спросил Альвар.

– Я прошу вас зайти ко мне, это очень важно.

– В чем дело?

– Вы дали мне IQ-тест, разве не помните?

– Дал. Уверен, что вы продемонстрируете самые высокие результаты.

– Надеюсь, что оправдала ваши ожидания. Не хотите взглянуть?

– А что, уже готово?

Альвар посмотрел на часы. Черт подери, она не могла так быстро управиться!

– Давай завтра утром. Выспимся и как следует все посмотрим.

– Но я не смогу заснуть, – заныла Лисбет. – Я всю ночь буду думать об этом.

– Ну хорошо, я зайду.

Уже в следующий момент Альвар пожалел, что пошел у нее на поводу. С другой стороны, он пожалел бы в любом случае. Он ведь неспроста предложил Саландер этот тест. Кто знает, может, это станет началом их сотрудничества...

Альвар склонился над столом и вытянул из-под кипы бумаг листок с правильными ответами. Потом пригладил волосы и вышел из кабинета. Открыл дверь в «Зону повышенной безопасности» при помощи персонального кода, приложил чиповый ключ и зашагал по освещенному желтыми лампами коридору, поглядывая на вмонтированные в потолок черные камеры и время от времени ощупывая ремень, на котором были закреплены баллончик с перцовым спреем, связка ключей, дубинка, рация и круглая серая коробочка с кнопкой тревоги.

«Неисправимый идеалист» не значит «наивный простак». Последним в колонии не место. Заключение хитры. Альвар никогда не терял бдительности, и сейчас, по мере приближения к камере Саландер, тревога его росла. Возможно, стоило бы прихватить с собой кого-нибудь из коллег, как предписывалось в инструкциях...

Как бы ни была умна эта девушка, выдать с ходу ответы на все вопросы теста никому не под силу. Она чего-то от него хотела, теперь Альвар почти не сомневался в этом. Он открыл окошко на двери камеры и заглянул вовнутрь. Саландер стояла возле стола. Кажется, она даже улыбнулась ему. Альвар почувствовал новый прилив оптимизма.

– Я вхожу, соблюдай дистанцию.

– Конечно.

Альвар щелкнул замком, все еще готовый к любым неожиданностям, но ничего не происходило. Саландер не двигалась с места.

– Как дела?

– Всё в порядке, – ответила она. – Интересный тест. Можешь сам проверить?

– У меня листок с правильными ответами. – Альвар помахал бумагой. – Похоже, ты не слишком долго ломала над ним голову, поэтому не должна расстраиваться, если результат окажется не таким высоким, как хотелось бы.

Он изобразил улыбку. Саландер ответила тем же, но не развеяла его подозрений. Он чувствовал, что она его изучает. Ему никогда не нравился этот ее темный, пронизывающий взгляд. Какой сюрприз приготовила Саландер на этот раз? С другой стороны, она такая маленькая и слабая, а он – гора мускулов, с дубинкой и рацией... Чем она может быть ему опасна?

Альвар осторожно взял тест и натянуто улыбнулся. Потом пробежал листок глазами, косясь на Саландер. Она стояла тихо. В глазах ничего, кроме нетерпения: «Ну что, хорошо я его сделала?» Вот только почерк у нее был ужасный и листок перепачкан чернильными пятнами... Куда она только так спешила? Альвар развернул бумагу с ответами и принялся сверять, не спуская глаз с Саландер. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что в общем и целом она справилась. Но, приглядевшись внимательно, Альвар от изумления лишился дара речи. Она ответила даже на самые сложные вопросы. Исключительный результат. Ни о чем подобном Альвару до сих пор не приходилось слышать. Он собрался было рассыпаться в комплиментах, когда вдруг почувствовал, что не может дышать.

Глава 3

12 июня

Лисбет Саландер не сводила с него глаз. С него, натренированного великана с дубинкой, баллончиком перцового спрея и рацией на поясе. Альвар умер бы от стыда, окажись эта девушка сильнее его. Но она знала его уязвимые места – те же, что и у всех мужчин. Вдобавок ко всему он стыдился, и это тоже можно было использовать против него. Сначала она его ударит, а потом надавит на него как следует. Альвар Ульсен должен получить по заслугам. Именно поэтому она так пристально смотрит ему в глаза. И еще на живот... Хотя нет, живот в данном случае неподходящее место для удара. Твердый, как доска. Впрочем, главное –

выждать момент. Альвар издал странный звук – не то глубокий вздох, не то приглушенный возглас удивления. Тело его обмякло, как в трансе, и тогда – на выдохе – она ударила его в солнечное сплетение. Два профессиональных точечных удара. Потом прищурилась, остановив взгляд на уровне его плеча – совсем как учил ее тренер по боксу, – и в последний раз выбросила вперед руку.

Все получилось, Лисбет поняла это сразу. Плечевая кость вышла из сустава. Тело Альвара неестественно изогнулось, но он продолжал стоять, тяжело дыша. Хотя, судя по всему, держался на ногах из последних сил. Это продолжалось пару секунд. Потом Альвар сдался и, описав плечом дугу, рухнул на пол с глухим стуком. Лисбет шагнула к нему, внимательно следя за его руками.

– Тихо, – велела она.

Последнее было излишне. При всем своем желании Альвар не мог издать ни звука. Он задыхался. В плече пульсировала боль. В глаза бил свет лампы.

– Уберешь руки с пояса – бить больше не буду, – раздался над ухом голос Саландер.

Она взяла у него IQ-тест. Снаружи слышались голоса. Может, где-то включили телевизор или коллеги вышли в коридор, он так и не понял. Глаза застилал туман. Альвар не знал, звать ли ему на помощь или, несмотря ни на что, попробовать самому справиться с силами. Думать тоже было нелегко. Голова гудела от боли. Перед глазами стояло лицо Саландер. Пальцы инстинктивно нащупывали на поясе кнопку тревоги, но нажать ее Альвару помешал новый удар в живот, после которого тело буквально запылало от боли, и он скорчился на полу в позе эмбриона.

– Это была неудачная идея, – снова слышался шепот Саландер. – Видишь ли, я не желаю тебе зла. Я знаю, в детстве ты был героем. Спас жизнь мамочке или что-то в этом роде. Но сейчас ты по уши в дерьме. Ты сдал Фарию Кази, а мне это не нравится. Я всего лишь хотела предупредить тебя.

На это Альвару ответить было нечего.

– Девушка хлебнула достаточно, – продолжала Саландер. – Ты должен положить этому конец. – Альвар кивнул, сам не зная зачем. – Прекрасно, – возвысила голос

Саландер. – Кажется, мы поладим. Ты читал обо мне в газетах? – Альвар снова кивнул и убрал с пояса руки. – Ну, тогда ты знаешь, что я ни перед чем не отступаю. Но мы ведь можем договориться, ты и я.

– О чем? – прохрипел Альвар.

– Я помогу тебе навести здесь порядок и прослежу, чтобы Бенито и ее приспешницы не приближались больше к Фарие Кази, а ты... ты одолжишь мне компьютер с Интернетом.

– Ни за что. Ты... – Альвар задохнулся, проглотив конец фразы, – ты напала на меня... Это выйдет тебе боком.

– А ты по уши в дерьме, – отозвалась Саландер. – Над заключенными издеваются, а ты пальцем не хочешь пошевелить. Знаешь, какой скандал я могу раздуть из всего этого? Администрация тюрьмы подпала под власть маленького Муссолини!

– Но...

– Никаких «но». Я хочу помочь тебе с этим разобраться. Но для начала ты предоставишь в мое распоряжение компьютер.

– Это невозможно. – Альвар все еще силился напустить на себя грозный вид. – По всему коридору установлены камеры слежения. Тебя застукают.

– В таком случае нас застукают вместе, – поправила его Саландер. – И этот вариант вполне меня устраивает.

Тут Альвар вспомнил Микаэля Блумквиста. За пару недель, проведенных в тюрьме, журналист навещал Саландер два или три раза. Уж этот-то не упустит возможности лишний раз поковыряться в чужом грязном белье. И что теперь делать? Альвар плохо соображал. Он не мог оценить, насколько реальна ее угроза. Может ли все связанное с Бенито просочиться за тюремные стены и попасть на страницы газет?

Альвар повел плечом и прохрипел, сам толком не понимая, что имеет в виду:

– Я ничего не могу гарантировать.

– Я тоже, – подхватила Саландер. – Стало быть, мы на равных. Поднимайся.

– Мы попадемся на глаза кому-нибудь из администрации... Обязательно.

– Сделаем вид, что у нас с тобой занятия. Что ни говори, идея с тестом была не такой плохой.

Альвар поднялся. Все поплыло перед глазами. Лампа на потолке завертелась, оставляя за собой светящийся, как у кометы, хвост.

– Погоди... – прохрипел Альвар.

Саландер поддерживала его со спины. Потом поправила ему волосы, словно хотела хоть немного привести в порядок, и... снова ударила. На этот раз не так сильно. На мгновение Альвару стало страшно, а потом он почувствовал, что плечо встало на место и боль отпустила.

– Идем, – снова послышался голос Саландер.

Альвар мог бы позвать на помощь – для этого достаточно было нажать кнопку на поясе. Он мог бы пустить в ход дубинку или перцовый спрей. Но вместо этого покорно побрел за Саландер. Он вышел за ней, словно ничего не произошло. Открыл дверь в административный отсек при помощи персонального кода и приложил чиповый ключ. За дверями они нос к носу столкнулись с Харриет, коллегой Ульсена. Скользящая особа. Альвар так и не смог понять, на чьей она стороне, Бенито или закона. Вероятно, на обеих одновременно – точнее, на той, которая на данный момент может предложить ей больше.

– Привет, – Альвар растянул губы в улыбке.

Волосы Харриет были стянуты в «хвост», мышцы лица оставались неподвижны. Время, когда Альвар считал ее привлекательной женщиной, давно миновало.

– Вы куда?

И Альвар, будь он хоть трижды шефом, ничего не посмел ей возразить.

– Мы хотели... мы думали... – В голове крутилась придуманная Саландер отговорка насчет занятий, но теперь Ульсен почему-то был уверен, что она не сработает. – Позвонить адвокату Саландер, – нашелся наконец он.

Альвар почувствовал, как над ним собирается гроза. Лицо его побледнело, взгляд снова затуманился. Больше всего на свете ему хотелось свернуться калачиком на полу и позвать на помощь. Однако вместо этого он вдруг приосанился и тоном, не терпящим возражений, выпалил:

– Адвокат улетает в Джакарту рано утром.

Альвар сам недоумевал, откуда взялась эта Джакарта. Но, во всяком случае, это было нечто конкретное и вполне правдоподобное.

– О'кей, понимаю, – ответила Харриет тоном, уже более подходящим подчиненной, кивнула и пошла дальше. Но Ульсен и Саландер продолжили путь не раньше, чем она окончательно скрылась из виду.

* * *

Здесь была запретная зона. Никто из заключенных не смел переступить порог кабинета Ульсена, тем более сделать звонок с его телефона. Ребята из центра наблюдения, конечно, зафиксировали их перемещение в административный отсек. В любой момент можно было ждать визитеров. Странно, что до сих пор никто не забил тревогу. Альвар беспокойно теребил ремень. Он невольно восхищался Саландер. Интересно, что ей понадобилось в Интернете?

Ульсен отпер дверь, пропуская ее вперед, и в следующую секунду покраснел как рак. Взгляд его упал на фотографии мамы на доске объявлений. Огромные и яркие, они бросались в глаза больше, чем снимки Вильды, и лишний раз подтверждали, что прозвище «маменькин сынок» коллеги дали Альвару не без оснований.

Давно было пора убрать эти снимки куда подальше. Равно как и написать заявление об отставке. Тем не менее Альвар стоял здесь, посредине

собственного кабинета во Флудберге, рядом с Лисбет Саландер, которая не сводила с него темного, пронизывающего взгляда.

- Есть проблема, - начала она.

- Что за проблема?

- Ты.

- Какие проблемы у тебя могут быть со мной?

- Если я выставлю тебя в коридор, ты забьешь тревогу. А если оставлю здесь, ты увидишь, чем я буду заниматься, а это еще хуже.

- Ты собираешься сделать что-то противозаконное?

- Возможно.

И пока Альвар рассеянно молчал, не зная, что на это ответить, Саландер ударила его в солнечное сплетение, - вот уже третий или четвертый раз. Альвар согнулся, с трудом глотая воздух и мысленно приготовившись к худшему. Однако, вопреки ожиданиям, Саландер подскочила к нему, сорвала ремень и молниеносным движением бросила его на стол. Альвар выпрямился, чего бы это ему ни стоило. Глаза его засверкали гневом. Казалось, еще немного - и они вцепятся друг другу в глотки.

Но тут Саландер обезоружила его еще раз, неожиданно повернувшись к доске объявлений:

- Это твоя мама, которую ты спас?

Альвар не отвечал, как будто все еще выжидал момент на нее наброситься.

- Это твоя мама? - повторила Лисбет.

Он кивнул.

- Она умерла?

- Да.

- Но все еще много значит для тебя.

- Да.

- Тогда ты должен понять. Мне нужна кое-какая информация, и ты сможешь мне ее получить.

- С какой стати?

- Ну... видишь ли... мы с тобой и без того слишком далеко зашли. И потом, взамен я обещаю тебе помочь справиться с Бенито.

- Она ни перед чем не остановится.

- Я тоже.

Альвар кивнул. Он действительно позволил ситуации зайти слишком далеко. Лгал, блефовал, наконец, впустил Саландер сюда. Больше терять нечего, и, когда она спросила его пароль для входа в систему, Альвар выдал его сразу. Как зачарованный, он следил за ее бегающими по клавиатуре пальцами. Страницы на мониторе сменяли одна другую с быстротой молнии. Упсала...

Академическая больница... снова университет... Со стороны это походило на бездумное пролистывание, но время от времени пальцы Саландер зависали над клавишами, а взгляд скользил по строчкам на экране... «Медицинский... институт... генетика...» - мелькнуло перед глазами Альвара. Внезапно экран погас, и комната погрузилась в темноту. Саландер молчала, тяжело дыша, как пианист перед исполнением сложной пьесы.

Потом ее пальцы снова забегали. На черном поле монитора замелькали белые колонки цифр. Они продолжали появляться и исчезать и после того, как Лисбет убрала руки с клавиатуры. Нескончаемые знаки, пароли, коды... Альвар разбирал только отдельные английские слова: connecting data base, search... response... [6 - Соединение с базой данных... поиск... ответ (англ.)] Наконец тревожное

«Bypassing security»...[7 - Обход системы безопасности (англ.)] Пальцы Саландер снова зависли над столом.

- Черт! - выругалась она.

На экране высветилась плашка:

ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН

Саландер попробовала еще раз, потом еще... По монитору побежали разноцветные волны, а потом высветилась новая плашка, на этот раз зелеными буквами:

ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Дальше началось нечто такое, что Альвар перестал верить своим глазам. Саландер словно нырнула в кроличью нору и оказалась в параллельной кибервселенной, в эпохе задолго до изобретения Интернета.

На мониторе замелькали сканы каких-то старых документов, с длинными рядами имен и фамилий, отпечатанных на машинке или выписанных от руки. Попадались и листки с какими-то расчетами, и таблицы, по-видимому, с результатами каких-то исследований. Несколько раз мелькнул штампель: «Секретно». Среди прочих Альвар разглядел имя «Лисбет Саландер». Слово некое выпущенное из компьютера змеевидное чудовище рылось в бумагах под темными сводами секретного архива.

Альвар все еще не понимал, чего она хочет, но догадывался, что ее попытка потерпела неудачу. Это читалось в самом положении ее тела, в глухом бормотании. Когда, после четырех с половиной часов непрерывных поисков, Лисбет наконец сдалась, у Альвара вырвался вздох облегчения. Ему хотелось в туалет. Ему срочно нужно было вернуться домой, сменить тетю, которая присматривала за Вильдой, лечь в постель и послать всех ко всем чертям.

Но Лисбет велела ему закрыть пасть и не двигаться. Ей оставалось сделать кое-что еще. Монитор погас, пальцы Саландер снова застучали по клавишам. Альвар ужаснулся, разгадав ее намерение. На этот раз Саландер хотела проникнуть в

компьютерную сеть тюремной администрации.

– Хватит, – не выдержал Альвар.

– Тебе, кажется, не нравится наш директор? – ехидно усмехнулась Саландер.

– Теперь это не важно.

– Успокойся.

В следующую секунду глазам Альвара предстало нечто такое, чего он предпочел бы никогда не видеть: она взломала электронную почту директора тюрьмы. Пока Саландер читала переписку Рикарда Фагера, Альвар молчал. И вовсе не потому, что поддался на ее шантаж. Он как замороженный следил за ее руками. Казалось, машина стала частью ее тела. Саландер управлялась с ней настолько виртуозно, что Альвар и мысли не мог допустить, что ее атака откроется. На мгновение экран снова стал черно-белым, а потом высветилась знакомая плашка:

ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Куда это, черт возьми!

Альвар увидел на экране погруженный в темноту коридор «Подразделения повышенной безопасности». Саландер словно прокручивала на экране пленку, поминутно останавливая, удаляя куски, монтируя. Альвар прикрыл глаза. Часы показывали без восьми минут два. В этот момент Саландер встала, пробормотала «спасибо», и Альвар, ни слова не говоря, поднялся, чтобы проводить ее в камеру. Прощаясь, он пожелал ей спокойной ночи, а сам поехал домой, где долго не мог уснуть. Лишь под утро ему удалось ненадолго забыться сном, в котором он видел Бенито и ее кинжалы.

Глава 4

17-18 июня

Пятница была ее днем. Каждую пятницу Микаэль Блумквист навещал Лисбет Саландер. Он всегда ждал этого дня, особенно теперь, когда наконец смирился со случившимся. На это потребовалось время. Судебное преследование Лисбет возмутило Блумквиста, а приговор привел его в бешенство. Первые дни после суда он не выходил из редакции. Но потом, видя, что сама Лисбет не придает всему этому большого значения, попытался взглянуть на ситуацию ее глазами. Лисбет было все равно, где заниматься квантовой физикой и посещать тренажерный зал. Вероятно, в ее представлении тюрьма была не более чем приключением, возможностью приобрести новый жизненный опыт, не оставляя учебы. В этом отношении она отличалась от остальных. Лисбет принимала жизнь такой, какая она есть, и только посмеивалась над переживаниями Блумквиста, особенно после ее перевода во Флудбергу.

Уж очень Микаэлю не нравилась эта Флудберга. А кому она нравилась – единственная в стране женская колония первого уровня безопасности? Лисбет угодила туда только по милости Ингемара Энерота – главы тюремного ведомства Швеции, уверявшего, что более безопасного места для нее сейчас не найти. Решение было принято после того, как СЭПО[8 - СЭПО (шв. S?PO, аббревиатура от S?kerhetspolisen) – Служба государственной безопасности Швеции, самостоятельное подразделение Главного полицейского управления Швеции (Rikspolisstyrelsen), в задачи которого входит раскрытие и предотвращение преступлений против государственной безопасности.] и французская разведка ДГСЕ вышли на информацию о том, что Лисбет угрожает опасность, исходящая якобы от сестры Камиллы и ее сообщников в России. Не исключено, что так оно и было. Во всяком случае, Лисбет против перевода во Флудбергу не возражала. Теперь же, когда до освобождения оставалось всего ничего, протестовать тем более не имело смысла. В конце концов, все получилось не так плохо. В прошлую пятницу Лисбет выглядела как никогда жизнерадостной и полной сил. Да и тюремная пища была намного здоровее той дряни, которой она пичкала себя на воле.

В поезде на Эребру Микаэль просматривал летний номер «Миллениума», который намеревался отправить в печать в ближайший понедельник. Снаружи вот уже который день лил дождь. Разверзлись хляби небесные, вопреки прогнозам синоптиков, обещавшим необыкновенно жаркое лето. Микаэль мечтал об отдыхе и своем доме в Сандхамне. Он устал. Их последнее расследование касалось группировки внутри американской разведки АНБ[9 - АНБ – Агентство национальной безопасности США.], которая сотрудничала с криминальными

силами в России и торговала конфиденциальной бизнес-информацией по всему миру. Оно вернуло «Миллениуму» былую славу и упрочило их финансовое положение.

Но успех, как это часто бывает, оказался чреват новыми заботами: назрела необходимость в разработке цифровой версии. Этому можно было бы только радоваться – какие уважающие себя СМИ обходятся сегодня без этого? Однако времени катастрофически не хватало. Кроме того, обновления сайта и дискуссии о стратегии издания в социальных СМИ отвлекали Блумквиста от дела. Он затеял несколько многообещающих расследований, но ни одно так и не смог довести до конца. То, что девушка, давшая наводку в деле об АНБ, угодила в тюрьму, также совсем не облегчало его положения. Микаэль чувствовал себя виноватым. И сейчас, любясь пейзажами из окна поезда на Эребру, он хотел одного: покоя.

Дама в соседнем кресле, время от времени прерывавшая его размышления разными вопросами, поинтересовалась, куда он едет. Микаэль отвечал уклончиво. Как и все любознательные попутчики, она действовала из лучших побуждений. Тем не менее Блумквист был счастлив от нее отделаться, когда поезд наконец остановился в Эребру.

Блумквист подхватил ноутбук и, проклиная дождь, поспешил к автобусу. Как ни парадоксально, станции вблизи Флудберги не было, хотя тюрьма стояла у самой железной дороги. Поэтому Микаэлю предстояло трястись еще минут сорок в салоне старой «Скании» без кондиционера.

Часы показывали без двадцати шесть, когда впереди показалась серая бетонная стена. Она вздымалась посреди равнины подобно гигантской волне, в любой момент готовой обрушиться, сокрушая все на своем пути. За ней из тумана проступали очертания хвойного леса. Никаких зданий поблизости не просматривалось. Железная дорога подходила к стене так близко, что места между ними едва хватало для парковки одного-единственного автомобиля.

Микаэль вошел в стальные ворота. Мобильник и ключи надлежало оставить в камере хранения в пункте охраны. Далее предстояла процедура осмотра: коротко стриженный парень лет тридцати не церемонясь ощупал Блумквиста покрытыми татуировками руками. Далее появилась наркособака – симпатичный черный лабрадор. Блумквист усмехнулся: неужели они действительно подозревают, что он привез в тюрьму «дурь»? Наконец другой парень –

несколько выше ростом и не в пример вежливее первого – повел Микаэля по бесконечным гулким коридорам. Заблокированные двери на их пути открывались сами собой, точнее, стараниями сотрудников из центра охраны, наблюдавшими за их передвижениями при помощи вмонтированных в потолки камер слежения.

У дверей отдела свиданий снова пришлось подождать – Блумквист так и не понял почему. Чутье подсказывало ему: что-то здесь не так. И появление Альвара Ульсена лишь подтвердило его подозрения.

На лбу начальника охраны блестели капли пота. Он заметно нервничал и тысячу раз извинился перед Блумквистом, прежде чем пропустил в комнату в самом конце коридора. Лисбет появилась в застиранной тюремной одежде. Обычно она вставала при появлении Блумквиста, но на этот раз осталась сидеть. Вся ее поза выражала напряжение, голова была повернута в сторону, словно Лисбет избегала смотреть ему в глаза. Теперь уже окончательно стало ясно: что-то произошло. На вопросы Блумквиста Саландер отвечала односложно и все время скользила взглядом мимо него.

– Что-нибудь случилось? – наконец не выдержал Микаэль.

– Можно сказать и так, – ответила она.

Лицо Блумквиста расслабилось: начало, по крайней мере, было положено.

– Не хочешь рассказать мне, в чем дело?

Она не хотела.

– Не здесь и не сейчас.

Потом повисла пауза. За зарешеченным окном лил дождь. Блумквист отрешенно смотрел на прислоненный к стене старый матрас.

– Мне есть о чем беспокоиться? – задал он следующий вопрос.

– Возможно, – снова улыбнулась Лисбет, хотя Блумквисту эта шутка крайне не понравилась.

Тем не менее этот ответ его успокоил. Блумквист коротко рассмеялся и спросил, может ли он чем-нибудь ей помочь.

– Возможно, – повторила Лисбет после долгой паузы, и этот ответ еще больше напугал его: она никогда не просила о помощи без крайней необходимости.

– Отлично. Я готов сделать все, о чем ты попросишь. Почти все, – поправился он, улыбаясь.

– Почти? – Она впервые подняла на него глаза.

– Все в пределах дозволенного законом, – кивнул Блумквист. – Будет печально, если мы окажемся здесь оба.

– Ты окажешься в тюрьме для мужчин, Микаэль, – грустно заметила Лисбет.

– Думаешь, не смогу добиться перевода во Флудбергу, при моем-то шарме? – И сразу посерьезнел: – Ну, выкладывай, что случилось?

– Я просматривала кое-какие старые списки, – ответила она. – В них еще значится один парень, Лео Маннхеймер... Что-то мне там не нравится...

– Лео Маннхеймер? – переспросил Блумквист.

– Именно, тридцати шести лет. «Погугли» – и сразу найдешь его в Сети.

– Хорошо, поищу, – с готовностью кивнул Блумквист. – И что мне делать дальше?

Лисбет повела глазами вокруг себя, словно призывая Микаэля поискать что-то, спрятанное в комнате свиданий. Потом остановила на нем отсутствующий взгляд:

– Честно говоря, я не знаю.

- Не знаешь? И я должен тебе поверить?

- Насколько это возможно.

- Насколько это возможно? - раздраженно повторил Микаэль. - Ну, хорошо, допустим, ты не знаешь. Но ты предлагаешь мне навести о нем справки. Что же он такого сделал? Или это так, собрать информацию?

- Ты, конечно же, знаешь инвестиционный фонд, где он работает. В общем, я полагаю, небольшое независимое расследование будет кстати.

- Ты полагаешь... - повторил Блумквист. - Но этого мало. Ты должна дать мне что-нибудь еще... О каких списках вообще идет речь?

- О поименных списках, - одними губами проговорила Лисбет.

Это прозвучало настолько глупо, что Блумквист невольно задался вопросом, не дурачит ли она его. Он уже собирался перевести разговор на другие темы и расспросить ее о жизни, как обычно это делал во время свиданий, когда Лисбет вдруг повернулась к охраннику и объявила, что хочет немедленно вернуться в камеру.

- Ты шутишь? - удивился Микаэль.

- Нисколько, - ответила она.

Блумквист хотел было возмутиться, напомнить, сколько он потратил времени на дорогу сюда и сколько еще потратит на дорогу обратно, объяснить, что мог бы найти себе занятие повеселее в пятницу вечером. Но все было бесполезно, поэтому он тоже поднялся и, обнимая Саландер, по-отечески велел ей беречь себя.

- Постараюсь, - усмехнулась она, и то, что Лисбет не утратила способности иронизировать, снова придало ему силы.

Блумквист следил за тем, как она удалялась в сопровождении начальника охраны. Ему не нравилась эта ее мягкая, исполненная непоколебимой

решимости поступь. Тем не менее и он безропотно дал увести себя в противоположенном направлении, получил в пункте охраны ключи и мобильник и взял такси до станции Эребру. В поезде, вместо того чтобы наводить справки об этом Лео Маннхеймере, бездумно пролистывал детектив какого-то Питера Мэя[10 - Питер Мэй (р. 1951) – шотландский писатель, автор популярных детективов и триллеров.]. Вероятно, из чувства протеста.

* * *

Альвар Ульсен радовался, что свидание с Блумквистом так быстро закончилось. Он опасался, что Лисбет начнет рассказывать журналисту о Бенито и беспорядках в «Подразделении Б», но за те несколько минут, пока они виделись, она едва ли успела затронуть эту тему. В остальном поводов для оптимизма было мало. Упорные попытки Альвара добиться перевода Бенито в другое место успеха не имели. Несмотря на то что коллеги в один голос защищали ее перед тюремной администрацией и утверждали, что держать Бенито в «Зоне повышенного контроля» в дальнейшем нет никакой необходимости.

Безумие с Саландер продолжалось. Теперь она вела себя тише, но Альвар не сомневался: она выжидает. Саландер установила ему срок – пять дней, в течение которых он должен был уладить вопрос с Фарией Кази. В противном случае она грозила вмешаться сама. Неприкрытый шантаж с ее стороны, но отпущенные пять дней истекали, а Альвар ни на йоту не продвинулся в своих начинаниях.

Между тем обстановка в «Подразделении Б» угрожающе накалялась. Похоже, Бенито готовилась к бою. Она создавала новые альянсы и принимала необыкновенно много посетителей, от которых, должно быть, получала какую-то нужную ей информацию. Преследования Фари Кази заметно ужесточились. Правда, Лисбет оставалась начеку и всегда была готова прийти на помощь, но это только раздражало Бенито. Альвар собственными ушами слышал, что «гангстерша» сказала Саландер в спортзале: «Кази – моя. Никто не помешает мне поставить на место черномазую шлюшку».

Лисбет сжала зубы и уставилась в пол. Альвар так и не понял, дожидалась ли она окончания пятидневного срока или осознавала свое бессилие. Второе представлялось более вероятным. Ведь при всей своей напористости противопоставить Бенито ей было нечего. Что могло остановить приговоренную

к пожизненному заключению безжалостную «гангстершу»? Не менее беспощадны были и три «гориллы», чьи фигуры вечно маячили за ее спиной, – Тина, Грета и Жозефин. Альвар не исключал самого страшного исхода и с ужасом ожидал того момента, когда в руке Бенито блеснет сталь.

Разумеется, время от времени его коллеги проверяли камеру Бенито с металлоискателями. Но Альвар боялся, что этого недостаточно. Приспешницы «гангстерши» так и шныряли по тюремным коридорам, пряча что-то в руках. Были ли это наркотики, или кинжалы, или виной всему было его растревоженное воображение, сказать трудно. Альвар словно балансировал над пропастью. Его нисколько не утешало, что еще до перевода во Флудбергу жизнь Саландер была под угрозой. Каждый раз, когда раздавался сигнал тревоги или загоралась кнопка радиокоммулятора, у него холодело в желудке. Альвар пытался убедить Саландер не покидать камеру, но она оставалась глуха к его предупреждениям. А идти против ее воли у него не хватало характера. Как, впрочем, и ни на что другое.

Альвар терзался чувством вины и беспокоился за ее жизнь. Помимо всего прочего, он стал слишком много работать, что не шло на пользу его отношениям с тетей и Вильдой. Сейчас Альвар сидел в своем кабинете, весь потный. В административном отсеке кондиционеры работали плохо, поэтому стояла страшная духота. Он чувствовал, что силы его на исходе, и ждал только одного: звонка от директора тюрьмы Рикарда Фагера с сообщением о переводе Бенито. Но никто не звонил, хотя Альвар впервые без обиняков поведал начальству, как в действительности обстоят дела в «Подразделении Б». Одно из двух: либо Фагера подкупили, либо он был еще большим идиотом, чем предполагал Альвар.

Был вечер пятницы, и, после того как камеры были заперты, он ушел к себе и попытался собраться с мыслями. Однако спустя несколько минут его уединение нарушила Саландер, которой снова понадобился компьютер. Альвар привел ее к себе и на этот раз решился спросить, что же такое она ищет. Ответом ему был все тот же непроницаемый взгляд. Альвар вернулся домой поздно ночью, смертельно усталый, с как никогда острым ощущением надвигающейся катастрофы.

* * *

В субботу утром на Бельмансгатан Микаэль Блумквист, как всегда, знакомился с прессой. На этот раз «Дагенс нюхетер» он читал в бумажном варианте, а «Гуардиан», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Нью-Йоркер» – с монитора «Айпэда». Микаэль пил эспрессо и капучино, ел мюсли с йогуртом и бутерброды с сыром и паштетом. Торопиться было некуда, очередной номер «Миллениума» уже отдан в корректуру. О Лео Маннхеймере Блумквист вспомнил не раньше чем через час или два и сразу же принялся за поиски в Интернете.

Имя Маннхеймера время от времени всплывало на страницах изданий из мира бизнеса. Доктор экономики из Высшей школы предпринимательства в Стокгольме, он возглавлял отдел аналитики проектного фонда Альфреда Эгрена – организации, с которой Блумквист и в самом деле был знаком не понаслышке, здесь Лисбет угадала верно. Современный управляющий инвестиционного фонда для богачей. Его демократичный стиль, насколько было известно Микаэлю, плохо вязался с напыщенным обликом генерального директора этой организации Ивара Эгрена. Лео Маннхеймер был подвижный, худощавый мужчина с живыми голубыми глазами, волнистой шевелюрой и несколько женственными, полными губами. Он, конечно, тоже был богат, но не чрезмерно. Согласно последним декларациям, его состояние оценивалось в восемьдесят три миллиона крон. Неплохо, но более чем скромно в сравнении с первыми акулами бизнеса.

Однако самое интересное было не это. Четыре года назад Лео стал героем одного из репортажей в «Дагенс нюхетер» за необыкновенно высокий коэффициент интеллекта. «Уже в детстве Маннхеймер продемонстрировал впечатляющий показатель IQ, – писал журналист, – и тем привлек к себе всеобщее внимание». Примечательно также, что сам Маннхеймер показал себя в этом интервью скромником. «Коэффициент IQ ничего не значит, – возразил он журналисту. – Геринг тоже демонстрировал высокий интеллект».

Далее следовали рассуждения о важности эмпатии и сострадания, которые нельзя определить никакими тестами, и указывалось на то, что измерять способности человека в цифрах – профанация, граничащая с жульничеством. По крайней мере, он не выглядел мошенником. С другой стороны, мошенники, как никто, умеют изображать из себя святых. Микаэля не убеждали даже гигантские суммы, которые Маннхеймер тратил на благотворительность. И Лисбет, по видимому, заинтересовалась этим типом неспроста. Хотя как сказать... Речь идет о независимом расследовании; следовательно, первым делом надлежит выбросить из головы любые предубеждения. Но откуда это отчаяние в глазах

Лисбет?

Блумквист рассеянно глядел на воды залива Риддарфьёрден. Дождь к тому времени уже закончился. В просвете между туч синело небо, обещая погожее утро. Микаэль подумывал уже было послать этого Лео куда подальше, по крайней мере до понедельника, а самому прогуляться до ближайшей кофейни, выпить чашечку капучино, почитать детектив. Субботний вечер после сдачи номера – лучшее время недели, часы, когда Микаэль действительно чувствовал себя свободным. С другой стороны, он обещал, а значит, не имеет права поддаваться лени.

Лисбет не только помогла «Миллениуму» обрести статус и славу. Она спасла жизнь ребенку и разоблачила преступную группировку международного масштаба. Кто же виноват, что главный прокурор Рикард Экстрём оказался идиотом? И теперь, пока Микаэль Блумквист купается в лучах славы, его маленькая героиня сидит в кутузке. Поэтому Микаэль без промедления принялся за поиски сведений о Лео Маннхеймере, как просила его Саландер. Поначалу ничего особенно примечательного обнаружить не удавалось, кроме того факта, что одно время они с Лео Маннхеймером занимались одним и тем же делом – хакерскими атаками на систему финансовой безопасности в Брюсселе. Но в конце концов в это была вовлечена добрая половина журналистов Швеции и почти весь финансовый рынок. Так что удивительным это совпадение назвать было нельзя. И все-таки...

Об этом он разговаривал с Лисбет. Тогда она занималась своими финансами в республике Гибралтар. Дело было девятого апреля, незадолго до ее отправки в тюрьму, и Лисбет вела себя на удивление спокойно. Тогда Микаэль посчитал, что она не хочет отравлять последние часы свободы плохими новостями, даже если они касались хакерских атак. Но ведь, если рассудить здраво, это не могло ее не встревожить. Что, если Лисбет уже тогда что-то от него скрывала?

Сам Блумквист сидел в редакции на Гётгатан, когда его коллега Софи Мелкер на минутку заскочила к нему в кабинет и как бы между прочим заметила, что у банков проблемы с интернет-сайтами. Но Микаэлю тогда было не до банков.

Биржа поначалу как будто не отреагировала. Но потом отечественный рынок ценных бумаг упал. Вскоре он встал совсем. Тысячи и тысячи людей не видели своих доходов по ценным бумагам в Интернете. Депозиты обесценились. Были разосланы пресс-релизы: это всего лишь технический сбой, все наладится,

ситуация под контролем.

Тем не менее крона упала. Обрушилась, как цунами. Прошли слухи, что ущерб настолько велик, что ценность акций вообще не может быть восстановлена. То есть риск того, что внушительные капиталы обратятся в дым, реален.

Увещевания авторитетных лиц не возымели действия. Финансовые рынки бушевали. Торговля застопорилась, телефоны накалялись, электронные ящики ломались от возмущенных писем. В зданиях финансовых учреждений били окна, а Государственный банк эвакуировали из-за угрозы взрыва. Министр финансов Карл ав Тролле пнул с досады бронзовую скульптуру на улице и сломал ногу.

Страна бушевала в преддверии грядущей катастрофы, но потом вдруг все стихло. Вкладчики обнаружили свои депозиты в Сети, и сама Лена Дюнкер, директор Государственного банка, объявила, что угроза изначально была мнимой. Как финансист, она говорила чистую правду, но существовала и другая сторона проблемы. Кому понадобился весь этот кавардак? Кто и зачем развязал панику? Вскоре выяснилось, что причиной всему стала хакерская атака на интернет-ресурсы бельгийского предприятия «Файненс секьюрити», куда «Единый центр»[11 - Единый центр регистрации ценных бумаг (V?rdepapperscentralen).] продавал и шведские ценные бумаги. Но и это было не все.

Были же слухи, дискуссии, выступления, увещевания и провокации, которые хлынули со страниц социальных СМИ таким всепоглощающим потоком, что Блумквист невольно схватился за голову: «Какому дьяволу так не терпится обвалить наши финансовые рынки?» Время только подтвердило его подозрения. Хотя, подобно множеству других любопытных, ответа на свой вопрос Микаэль так и не получил. Со временем история забылась. Ситуация на бирже нормализовалась. Высокая конъюнктура рынка стабилизировалась, и Микаэль, как и другие журналисты, сразу переключился на другие темы: беженцы в Европе, терроризм, правый популизм и проблема неонацизма в Швеции и Америке.

Но что теперь? Блумквист представил себе бледное лицо Лисбет в комнате свиданий, ее темный, непроницаемый взгляд. Он вспомнил о ее сестре Камилле, которая водилась с хакерами, и об угрозах в адрес Лисбет. Так вот в чем причина его нынешнего интереса к Лео Маннхеймеру... Микаэль открыл его давнишнее эссе для журнала «Фокус». С журналистской точки зрения оно не представляло собой ничего интересного. Информация, которой располагал

Маннхеймер, давно стала общеизвестной. Но автору удалось передать психологическую картину событий. Порывшись еще, Микаэль узнал, что Лео Маннхеймер выступает с курсом лекций на тему: «Тайные страхи рынка». Не далее как завтра, в воскресенье, на набережной Стадсгордскайен состоится очередное его выступление на эту тему. Мероприятие организует Общество акционеров.

Микаэль в задумчивости разглядывал фотографии Маннхеймера в Сети. Что ж, интересный мужчина. Открытое лицо, внушающее доверие. Во взгляде – налет меланхолии, заметный даже на ретушированном портретном снимке. В его высказываниях не чувствовалось присущей успешным финансистам самонадеянности. Похоже, темы купли-продажи вообще интересовали его далеко не в первую очередь. Маннхеймер не столько утверждал, сколько ставил вопросы. Слишком много аналитики. Музыки, пожалуй, тоже. Маннхеймера интересовал джаз, особенно так называемый «горячий джаз» – раннее американское течение.

Лео Маннхеймеру было тридцать шесть лет. Он родился в Нокебю, западном пригороде Стокгольма, в состоятельной семье. Его отец Херман Маннхеймер одно время был генеральным директором промышленного концерна «Росвик». Позже он вошел в совет директоров фонда Альфреда Эргена, где владел сорока процентами акций. Мать Вивека, урожденная Хамильтон, была домохозяйкой и активисткой Красного Креста. Похоже, одаренный сын составлял главный смысл ее жизни. Возможно, Лео считал себя виноватым перед матерью, поскольку не оправдал всех ее ожиданий, – такое чувство, по крайней мере, возникло у Блумквиста. И это при том, что стыдиться Лео было нечего. В 1999 году он принимал участие в исследовании так называемых «IT-мыльных пузырей» и вскоре тоже стал партнером фонда Альфреда Эргена. Выпячиваться он не любил, это была чистая правда. По крайней мере, к такому выводу пришел Микаэль на основании того, что видел. И львиную долю состояния Лео Маннхеймера составило, похоже, отцовское наследство.

Не менее примечательным – а именно примечательное и высматривал Микаэль в первую очередь – представлялось то, что Лео в течение шести месяцев находился в отпуске. Он «путешествовал», как писали в газетах, с января прошлого года. После этого вернулся к работе, читал лекции, иногда мелькал на телевидении. В своих выступлениях Маннхеймер смотрелся не столько аналитиком, сколько философом – мыслителем старого склада, скорее скептиком, нежели оптимистом, упорно избегавшим конкретных финансовых

прогнозов. Его комментарий роста цен на акции на сайте «Дагенс индустри» показался Блумквисту более чем любопытным. «Биржа как человек, хорошая встряска пробуждает ее к жизни, – писал Лео Маннхеймер. – А боль со временем проходит. Все, что я могу, – пожелать нашему рынку процветания».

В этом «пожелании» слышался неприкрытый сарказм. Микаэль внимательно вглядывался в текст. Собственно, что в нем такого примечательного? Неужели все дело в эпатажных метафорах и антропоморфных сравнениях? Блумквист вгляделся в глаза Лео – меланхолия с едва заметным налетом насмешки. Такое впечатление, что он думает о чем-то своем. Возможно, все дело было в его гениальности, позволяющей прокручивать в голове одновременно несколько мыслей. С другой стороны, очень уж Лео походил на актера, пытавшегося сломать навязанный ролями зрительский стереотип. В качестве героев репортажей подобные персонажи не слишком удобны, зато интересны как люди.

Микаэль задумался. Нет, отдохнуть все-таки надо... Он очень благодарен Лисбет Саландер, но не жертвовать же ради этого Лео летним отпуском. Блумквист решительно поднялся из-за стола, но потом снова сел. Он метался по квартире, словно некий неприкаянный дух, – сортировал книги в шкафу, убирался на кухне, потом снова работал с Интернетом. При этом мысли о Лео Маннхеймере не шли у него из головы. В час дня Блумквист пошел в ванную побриться, потом встал на весы – ритуал, недавно вошедший в привычку и несколько не улучшавший настроения, – и внезапно воскликнул:

– Малин, как же!

Черт возьми, как он мог забыть об этом! Внезапно Микаэль понял, откуда знает о фонде Альфреда Эгрена. Именно там одно время работала Малин, его бывшая любовница. Сейчас она возглавляет пресс-службу Министерства иностранных дел. Пламенная феминистка и вообще... пламенная особа. Когда-то они попеременно то любили, то ненавидели друг друга, причем с одинаковой страстью. В фонде она была замом по связям с общественностью. Микаэль набрал номер Малин и вдруг ощутил непреодолимое желание услышать ее голос. Судя по всему, он тосковал о ней больше, чем решался себе в этом признаться. А может, виной всему было это великолепное солнечное лето...

* * *

По выходным Малин Фруде особенно ненавидела свой мобильник. Слишком много неудобств причиняла ей эта маленькая визгливая штука. Но «быть всегда на связи» входило в круг ее профессиональных обязанностей. Равно как и быть всегда обходительной и вежливой. Невзирая на реальную опасность однажды не выдержать и взорваться.

В конце концов, она мать-одиночка – официально, по крайней мере. И Никлас, ее бывший муж, считает за подвиг присмотреть за собственным сыном на выходные. «Ну, а теперь развлекайся в свое удовольствие» – так он сказал ей, когда забирал его в последний раз. Очевидно, Никлас намекал на измену, в которой уличил ее накануне развода. Малин ничего не ответила, только на прощание обняла мальчика. Но потом она разозлилась так, что пнула консервную банку на улице. А теперь еще этот мобильник... не иначе, разразился мировой кризис. Кризисы сейчас следуют один за другим, пора бы привыкнуть. Хотя нет... Не все так страшно. Это же Микаэль! На душе сразу полегчало. Малин посмотрела в сторону Юргордена и одинокого парусника, маячившего между фьордами. Она как раз выходила на набережную.

– Ты обо мне вспомнил, как это мило с твоей стороны, – сказала она.

– Да ладно, брось... – смутился Микаэль.

– Тем не менее... Чем ты сейчас занят?

– Работаю.

– Как всегда, – вздохнула она. – Трудишься в поте лица...

– Увы, приходится.

– Ну, не все же валяться на диване пузом кверху.

– Это скорее твоя поза.

– Ну так ложись, в чем дело?

– лягу.

На пару секунд нависла пауза.

- Ну что, уже лежишь? - спросила она.

- Само собой.

- Одетый?

- Почти.

- Врешь. Ну ладно, чему обязана?

- Есть дело.

- Дело? - разочарованно переспросила Малин. - Ты уверен?

- Понимаю, - вздохнул Микаэль. - Но видишь ли... речь идет о той хакерской атаке...

- Никак не можешь о ней забыть?

- Не могу.

- Ну, конечно, ты только женщин легко забываешь.

- Нет, женщин я забываю не так легко.

- Особенно тех, которые бывают нужны в качестве источника информации...
Зачем я тебе понадобилась, Микаэль?

- Один из твоих старых коллег писал о той хакерской атаке.

- Кто?

- Лео Маннхеймер.

- Лео? – удивленно переспросила она.
- Расскажи о нем немного. Какой он?
- Ну... стильный парень... ну и в остальном совсем на тебя не похож.
- В хорошем смысле, надеюсь.
- В лучшем.
- А конкретнее можно?
- Ну, Лео, он... – Малин задумалась.
- Что? – не выдержал Блумквист.
- В отличие от пиявок вроде тебя, его не слишком интересуют сенсации. Он мыслитель, философ...
- Ну, нам, пиявкам, и положено быть проще.
- Нет, Микаэль, видишь ли, с тобой все в порядке, но ты... ты у меня ковбой. А он мыслитель... Гамлет, – уточнила Малин с какой-то трогательной интонацией.
- То есть он Гамлет? – переспросил Блумквист.
- Ему не место среди финансистов.
- Где же ему место?
- Ну, не знаю... Среди музыкантов, может быть... Он отлично играет на рояле. Необыкновенно музыкальная и вообще одаренная личность. Деньги для него не бог весть что...
- Действительно, странно для финансиста.

– Он ведь с детства был хорошо обеспечен, – продолжала Малин. – Может, поэтому не имеет к ним такого интереса... А зачем он тебе?

– Мне понравилось, что он писал о хакерских атаках.

– Писать он умеет, – согласилась Малин. – Только вот знаешь... здесь ты ничего не нароешь. Он чист... ни единого пятнышка...

– Это ты к чему?

– Ну... такая уж у меня работа. Я хочу честно предупредить тебя.

– О чем?

–...сомневаюсь, чтобы Лео были интересны какие-то хакеры. Он ведь музыкант, сидит и играет на рояле, а не носится со своими капиталами, как некоторые...

– Подожди... Тогда как он вообще оказался в этом бизнесе?

– Его втянул отец.

– Отец? Он у него как будто большая шишка.

– Именно шишка. И еще он большой друг фонда Альфреда Эгрена и самовлюбленный идиот. Он хотел сделать из Лео финансового гения, присвоил его долю акций фонда и с его помощью взобрался на шведский финансовый олимп. А Лео... как тебе сказать... Он слабый. Легко поддается на уговоры, но дело свое знает. Он хороший специалист. Не скажу «блестящий», хотя, безусловно, мог бы стать и таким. Ему недостает хватки... понимаешь?

– Понимаю.

– Как-то раз он признался мне... Я до сих пор помню эту его фразу: «У меня такое чувство, будто в детстве меня лишили чего-то важного». Потом еще говорил о каком-то увечье... или ране...

- Что за рана? - удивился Блумквист.

- Толком не знаю. Мы ведь с ним никогда не были особенно близки. Так, ничего серьезного...

- Что-что?

- Ничего серьезного, - повторила Малин. - Бред, игра, минутное помутнение мозгов.

Но Микаэль уже схватил быка за рога и ослаблять хватку не собирался.

- Я читал, что он много путешествовал, - как бы между прочим заметил он.

- Да, после смерти матери.

- А отчего она умерла?

- Рак поджелудочной железы.

- Ясно, - Микаэль вздохнул.

- Я думаю... для него так даже лучше.

- То есть? - не понял Блумквист.

- Родители порядком отравляли ему жизнь. Я надеялась, он воспользуется ситуацией и вырвется наконец из этого проклятого бизнеса. Посвятит себя музыке или чему-нибудь такому... Представь себе, незадолго до того, как я ушла из фонда, он переменялся... Я так и не поняла почему, но он весь так и сиял от счастья. А потом...

- Что?

- Потом снова стал прежним... или даже еще хуже. У меня при виде его сердце разрывалось от жалости...

- А мама тогда была жива?

- Да, но жить ей оставалось недолго.

- Куда он ездил?

- Не знаю. Тогда меня уже там не было. Я так надеялась, что эти путешествия станут началом его освобождения...

- А он взял да и вернулся в фонд, - закончил ее фразу Блумквист.

- Думаю, ему не хватило решительности порвать с ними.

- Теперь он читает лекции, насколько мне известно?

- Возможно, для него это шаг в правильном направлении. Так что тебя все-таки в нем заинтересовало?

- Его исследования. Он изучал хакерские атаки в Брюсселе и другие дезинформационные кампании на предмет выявления общих психологических моделей...

- Кампании? - переспросила Малин. - Российские, ты имеешь в виду?

- Он классифицирует их как модели поведения во время военных действий. Интересный подход, я бы сказал.

- Ложь как оружие?

- Ложь как средство создания хаоса. Ложь как альтернатива насилию.

- Но... как я слышала, эту атаку организовали русские, разве не так?

- Это так, но неясно, какие именно силы в России стояли за всем этим. Господа из Кремля, конечно же, открестились.

- Подозреваешь старых приятелей, «Пауков»?

- Эта идея тоже приходила мне в голову.

- Думаю, в этом деле Лео тебе все-таки не помощник.

- Возможно, но я хотел бы...

- Пригласить меня на чашечку кофе? - перебила Малин. - Задушить в объятиях, вскружить мне голову, забросать дорогими подарками... увезти в Париж?

- Куда?

- В Париж. Есть такой город в Европе. Там еще какая-то знаменитая башня...

- Завтра Лео выступает в Музее фотографии с лекцией, не хочешь сходить? - перебил Блумквист. - Может, узнаем что-нибудь полезное.

- Что, например? Какого черта, Микаэль... ты всегда приглашаешь девушек в такие места?

- Не всегда, - рассеянно отозвался он, и это разозлило ее еще больше.

- Ты идиот, Блумквист, - прошипела Малин, дала «отбой» и остановилась посреди тротуара, вся пылая от гнева.

Впрочем, она быстро успокоилась. Правда, причиной тому был уже не Блумквист, а одна картинка из прошлого, неизвестно почему вдруг всплывшая в памяти. Малин представила себе Лео Маннхеймера в его кабинете в помещении фонда Альфреда Эгрена. За окном стояла глубокая ночь, но Лео что-то писал на листке бумаги песочного цвета. Должно быть, в этом воспоминании заключалось какое-то послание свыше, смысл которого Малин не понимала. Некоторое время она стояла на тротуаре посреди Страндвеген, вглядываясь в туман, а потом побрела в сторону отеля «Бернс» и Королевского драматического театра, мысленно проклиная и Микаэля, и бывшего мужа, и весь род мужской.

* * *

Микаэль понял, что облажался, и подумывал было перезвонить ей, с тем чтобы извиниться и пригласить на ужин. Он уже подбирал подходящие случаю слова, но роившиеся в голове мысли мешали сосредоточиться. Поэтому Блумквист встряхнулся и набрал номер Анники Джаннини, которая была не только его родной сестрой, но и адвокатом Лисбет. Может, хоть ей что-нибудь известно о планах Саландер? Разумеется, «конфиденциальность» и «профессиональная этика» для Анники не пустой звук, но чего не сделаешь в интересах клиентки.

Аника не отвечала. Она перезвонила спустя полчаса и подтвердила, что Лисбет в последнее время переменялась. Возможно, причиной тому обстановка в «Подразделении Б». Судя по всему, там не так уж безопасно. Поэтому Аника настаивает на немедленном переводе своей клиентки в другое место. Лисбет отказывается. Она утверждает, что опасность угрожает не ей, а другой заключенной, Фарие Кази. Дома эта девушка терпела издевательства со стороны родственников, а теперь подвергается преследованиям в тюрьме.

– Случай довольно интересный, – продолжала Аника. – Думаю, мне стоит съездить в колонию вместе с тобой. Здесь есть чем поживиться нам обоим.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Блумквист.

– Сдается мне, эта история – превосходный материал для нашей с тобой работы. Мне будет что исследовать, тебе – о чем писать.

Микаэль не стал развивать эту тему.

– Ты что-нибудь слышала об угрозах в адрес Лисбет? – спросил он.

– Ничего конкретного, кроме того, что источники информации пугающе многочисленны и что угроза исходит от сестры Камиллы и ее приятелей из России.

– Ты работаешь в этом направлении?

- Делаю что могу, Микаэль, а как ты думаешь? Я слежу за тем, чтобы Лисбет лучше охраняли во Флудберге. На данный момент я не вижу ничего такого, что бы могло представлять для нее опасность. Есть, правда, одно обстоятельство, которое, несомненно, на нее повлияло.

- О чем ты?

- Не так давно ее навещал старик Хольгер.

- Ты шутишь?

- Нисколько. Он очень хотел ее увидеть. Похоже, для него это действительно было важно.

- Не понимаю, как ему вообще удалось добраться до Флудберги.

- Я помогла уладить формальности, а Лисбет оплатила дорогу в оба конца. Его сопровождала медсестра. Хольгер разъезжал по корпусу в инвалидном кресле.

- Неужели это его визит так ее разволновал?

- Лисбет не так-то просто сбить с толку, не беспокойся. Но Хольгера она слушает, мы оба это знаем.

- Может, он рассказал ей что-нибудь, чего мы не знаем?

- Что такого он мог о ней рассказать?

- Ну... о ее прошлом, например. Никто не знает ее прошлое так хорошо, как Хольгер.

- Сейчас Лисбет волнует только Фария Кази.

- Ты знаешь человека по имени Лео Маннхеймер?

- Имя как будто знакомое... А почему ты спрашиваешь?

– Да так...

– Его упоминала Лисбет?

– Как-нибудь потом расскажу.

– Хорошо. Может, тебе стоит поговорить с Хольгером лично? Думаю, Лисбет не будет против.

– Конечно, – согласился Микаэль.

Он положил трубку и набрал номер Хольгера Пальмгрена. Занято. Блумквист ждал бесконечно долго, но так ничего и не дождался. Он уже подумывал, не отправиться ли в Лильехольмен лично, чтобы переговорить с Хольгером с глазу на глаз, но тут же оставил эту идею. Пальмгрен был старик, к тому же тяжело больной. Неожиданный визит мог плохо отразиться на его состоянии.

Вместо этого Микаэль снова сел к компьютеру. Он умел глубоко копать, но ничто из того, что до сих пор удалось «нарыть» о фонде Альфреда Эгрена и семье Маннхеймер, не обнаруживало никакой видимой привязки ни к Лисбет, ни к хакерским атакам. Нужно было срочно менять стратегию, но это невозможно сделать без старика Хольгера. Только он мог рассказать Микаэлю о детстве Лисбет. Блумквист не исключал того, что Лео Маннхеймер каким-то образом связан с ее прошлым. Ведь Лисбет упомянула его в связи с какими-то старыми списками... И Микаэль углубился в историю, насколько позволяли возможности Сети.

Его заинтересовала давнишняя статья в уппсальской «Нюа тиднинг», одно время оказавшаяся в центре внимания СМИ благодаря телеграмме новостного агентства ТТ, вкратце излагавшей ее содержание. Описанный в ней инцидент вскоре был забыт и больше ни разу не упоминался в газетах – как видно, из деликатности, присущей газетчикам, особенно когда речь заходит об интересах людей влиятельных и богатых.

Итак, драма разыгралась без малого двадцать пять лет тому назад. Альфред Эгрен с приятелями – в число которых входил и отец Лео Херман Маннхеймер – вышли поохотиться на лося. Дело было после дружеской вечеринки, и компания,

вероятно, была навеселе, хотя прямо об этом в статье ничего не говорилось. Охотники разбились на группы. Им мешал бьющий в глаза солнечный свет, но пара мелькнувших между деревьями животных сразу подогрела их азарт. Раздались выстрелы. Самым старшим в группе был некто Пер Фельд, финансовый директор концерна «Росвик». Позже он жаловался на то, что животные бегали слишком быстро, не давая тем самым возможности как следует взять их на прицел. Внезапно послышался крик – пуля попала в живот молодому психологу Карлу Сегеру. Бедняга скончался на месте, на берегу лесного ручья.

Никто не был осужден. Полиция классифицировала инцидент как несчастный случай. Но уже одно то, что сам Пер Фельд – «стрелок», по всей видимости, виновный в смерти Сегера, – умер год спустя, настораживало. Ни жены, ни детей у Фельда не было. Скупые строчки некролога характеризовали его как «верного товарища и преданного сотрудника концерна “Росвик”».

Микаэль в задумчивости отвернулся к окну. Над заливом Риддарфьёрден сгустились тучи. Похоже, дело шло к перемене погоды. Блумквист потянулся и повел плечами, разминая мышцы. Как же надоели эти дожди! И все-таки какое отношение мог иметь убитый психолог к Лео Маннхеймеру?

Ответа на этот вопрос найти пока не удавалось. Однако Микаэль чувствовал: здесь должна быть какая-то зацепка, если только происшедшее действительно не бессмысленная случайность. Он взялся за психолога, но нашел о нем не так уж и много. На момент смерти Карлу Сегеру исполнилось тридцать два года. Он был помолвлен и за год до трагедии защитил диссертацию в Стокгольмском университете. Его работа была посвящена роли слуховых ощущений в нашем самосознании. «Чисто эмпирическое исследование» – так отзывались о его работе специалисты. Блумквист не нашел в Сети ни самой диссертации, ни ее тезисов, хотя обнаружил другие работы Сегера на эту тему.

В одной из статей психолог описывал классический эксперимент, демонстрирующий, что испытуемые легче идентифицируют собственное изображение, если снимок приукрашен. «Мы скорее опознаем себя в образе, не отражающем наших недостатков. Вероятно, склонность переоценивать себя – одно из полезных эволюционных приобретений. Ведь она помогает индивидууму завоевать внимание полового партнера или занять лидирующие позиции в социуме», – делал вывод автор. Далее он указывал на таящуюся в этой «склонности» опасность:

«Чрезмерная уверенность в собственных силах подвергает индивидуума неоправданным рискам и препятствует его развитию. В интеллектуальном созревании способности к самокритике отводится решающая роль». Не сказать чтобы это было очень неожиданно и оригинально, но Блумквисту понравилось, что Карл Сегер иллюстрировал свои выводы результатами конкретных исследований, которые проводились среди школьников и демонстрировали обратную зависимость между показателями самооценки и интеллектуального развития.

Микаэль поднялся из-за стола и отправился на кухню вымыть посуду. Теперь он точно знал, что пойдет на лекцию Лео Маннхеймера в Музее фотографии. Он докопается до истины, и наплевать на планы об отдыхе.

Когда раздался первый звонок в дверь, Микаэль не обратил на него внимания. Он считал, что нормальные люди предупреждают о своем визите заранее. Но незваный гость не унимался, и в конце концов Блумквист пошел открывать. То, что произошло дальше, сам он позже характеризовал как «вторжение».

Глава 5

18 июня

Фария Кази сидела в своей камере на койке, притянув колени к груди и обхватив их руками. К двадцати годам она превратилась в собственную бесцветную тень. А ведь совсем недавно лишь немногим удавалось устоять перед ее очарованием. Она переехала в Швецию в четырехлетнем возрасте из города Дакка, что в Бангладеш, вместе с отцом, матерью и четырьмя братьями и выросла в Валльхольмене, пригороде Стокгольма. Ее отец Карим быстро освоился в новой стране – открыл сеть химчисток, разбогател, купил квартиру в Сикле[12 - Район в западной части Стокгольма.] с большими светлыми окнами. Детство Фарики было безоблачным. Она играла в баскетбол, хорошо успевала в школе, особенно по языкам, любила шить и рисовать манги.

Но с возрастом свободе пришел конец. Ее отнимали у Фариы постепенно, порция за порцией. Когда начались месячные, парни стали свистеть ей вслед на улице. Но главные изменения происходили не в ней самой – беда набросилась откуда-то снаружи, как ледяной ветер с востока. Обстановка дома изменилась после смерти матери от инсульта. В лице Айши семья потеряла не только жену и мать, но и ангела-хранителя.

Фария до сих пор помнила, как однажды к ним в квартиру заявился Хасан Фердоуси, имам из мечети в Ботчюрке. Фарие имам нравился, и она хотела поговорить с ним, но Фердоуси, не обращая на нее внимания, уединился в комнате с отцом.

– Вы не поняли ислам, – слышала девочка из кухни. – Все это кончится для вас плохо, очень плохо.

Он как в воду глядел. Вскоре старшие братья, Ахмед и Башир, почти перестали разговаривать с сестрой. Хотя это не отец, а они потребовали, чтобы она надевала никаб[13 - Мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо.], когда отправляется за молоком в магазин за углом. Больше ей отныне выходить никуда не разрешалось. Другой брат, Разан, не был так строг с ней. Он много работал в отцовских химчистках и ателье по ремонту одежды. Но и Разан не стал Фарие другом и постоянно следил за ней.

Фария оказалась запертой в четырех стенах, хотя постоянно отыскивала лазейки на свободу. Ради этого она шла на ложь и проявляла незаурядную изобретательность. В конце концов, у нее оставался компьютер с Интернетом, из которого она и узнала о готовящемся выступлении имама Хасана Фердоуси в культурном центре «Культурхюсет». Собственно, там планировалась дискуссия об угнетении женщин на религиозной почве, и среди ее участников, кроме Фердоуси, значился раввин по фамилии Гольдман.

В то время Фария училась в гимназии в Кунгсхольмене. Был конец июня, а она вот уже десять дней как носа не казала на улицу, и ее одолевала смертельная тоска. Уговорить тетю Фатиму оказалось не так просто. Незамужняя тетя работала картографом и оставалась едва ли не последним союзником Фариы в борьбе за свободу. Вняв мольбам племянницы, она объявила братьям Фариы, что хочет пригласить ее на обед. Те, как ни странно, поверили.

Фатима встретила девушку в своей квартире в Тенсте, откуда Фария немедленно отправилась в город. Рассиживаться было некогда – в полдевятого за Фарией должен был заехать брат Башир. Тетя дала Фарие черное платье и туфли на высоком каблуке. Конечно, это было необязательно, ведь девушка шла не на вечеринку. Но диспут был посвящен теме угнетения женщин, и Фария хотела выглядеть торжественно. Уже одно то, что она вырвалась на этот диспут, означало большую победу.

Девушка мало что запомнила из самой дискуссии – слишком непривычно было вдруг оказаться среди такого множества людей. После выступлений публика стала задавать вопросы, один из которых особенно запомнился Фарие: почему женщины должны страдать всякий раз, когда мужчины вспоминают о необходимости блюсти благочестие? Ответ имама Хасана Фердоуси прозвучал невнятно:

– Прискорбно, что люди делают орудием своих слабостей даже божественные законы.

Пока Фария размышляла над тем, что бы это могло значить, публика понемногу начала расходиться. Оглянувшись, Фария поймала взгляд парня своих лет. На ней не было ни никаба, ни хиджаба, а он смотрел на нее так пристально, что девушка невольно залилась краской. Тем не менее она не убежала, осталась сидеть на месте и только покосилась в его сторону. Незнакомец не отличался ни ростом, ни крепким телосложением и не производил впечатления нахала, хотя глаза его блестели. Он приблизился к ней легкой походкой, так не вязавшейся с тяжелым, пронизывающим взглядом. Заметив, что он смущается, Фария успокоилась и вступила с ним в разговор.

– Ты из Бангладеш? – спросил он на бенгали.

– Откуда ты знаешь? – удивилась она.

– Я сразу это почувствовал. Откуда?

– Из Дакки.

– Я тоже.

Его теплая улыбка проникла в самое сердце. Фария не могла не улыбнуться в ответ. Их взгляды встретились. Девушка почувствовала, как забилося ее сердце. Должно быть, они говорили о чем-то еще, но Фария запомнила только прогулку до площади Сергеля. Они еще и представиться друг другу не успели, когда парень рассказал ей свою историю. Еще в Дакке они с друзьями вели политический блог, при помощи которого боролись за свободу слова и другие права. Блог привлек внимание исламистов. Скрибенты были внесены в список врагов ислама и стали исчезать один за одним. Их убивали при помощи мачете, а полиция не делала ничего, чтобы остановить расправу. В конце концов новый знакомый Фарии был вынужден покинуть Бангладеш и получил политическое убежище в Швеции.

– Один раз я стал свидетелем убийства одного своего товарища. Я оказался совсем рядом, у меня на рубашке осталась его кровь.

Фария не до конца понимала его слова, но прониклась его скорбью, и скоро – возможно скорей, чем следовало – почувствовала в нем близкого человека. Его звали Джамал Чаудхери; Фария рассеянно пожала его руку. Они пошли дальше, к зданию риксдага, но девушка ничего не видела вокруг от волнения. Впервые она была сама собой, жила собственной, настоящей жизнью. Счастье ее продолжалось недолго – стоило только представить себе темные глаза Башира. Уже в Гамла Стане они расстались, но и этой прогулки Фарие было более чем достаточно. Вспоминая о ней позже, она будто бы входила в тайную сокровищницу. И это очень помогало, особенно здесь, в тюрьме, в ожидании грузового состава, потрясающего бетонные стены, и Бенито, которая, как чувствовала Фария, на этот раз превзойдет саму себя.

* * *

Альвар Ульсен сидел в своем кабинете и ждал звонка от директора тюрьмы Рикарда Фагера. Но время шло, телефон молчал, и Альвар ругался про себя и вспоминал дочь Вильду. Собственно, сегодня у него должен быть выходной. Они с Вильдой собирались на футбольный матч в Вестеросе. Он очень ждал этого дня, а теперь вот не решался уйти с работы.

Альвар снова и снова звонил тете и чувствовал себя самым плохим отцом из всех, которые когда-либо жили на этой планете. Но что он мог поделать? Его планам о переводе Бенито в другое отделение не было дано осуществиться. И

«гангстерша» знала о них – он понял это по испепеляющему взгляду, которым она его наградила, – и подстрекала против него других заключенных. Женщины шептались, как будто затевали бунт или массовый побег, а Альвар бросал умоляющие взгляды на Саландер. Она обещала вмешаться. Отпущенные на решение проблемы пять дней истекали, и Альвар с ужасом ждал развязки.

Он вывел Саландер из камеры, провел в административный отсек и свой кабинет, где они просидели вместе до рассвета. Оставалось надеяться, что начальство ограничится внутренним расследованием и история не выйдет за стены тюрьмы. Несколько дней Альвар ждал вызова в директорский кабинет. А потом отправился в соседний корпус, в центр наблюдения, и попросил показать ему материалы камер слежения из корпуса Б, – якобы чтобы уточнить кое-что по какому-то инциденту, связанному с Беатрикс Андерссон.

Альвар с замиранием сердца приблизился к монитору. Он прокручивал кадры, отснятые в тот вечер двенадцатого июня и в ночь с двенадцатого на тринадцатое, и не мог понять, в чем дело. Он прокручивал их снова и снова. Остановливал, вглядывался – в коридорах было пусто. Какая невероятная удача, что именно в те часы камеры не сработали! Но в следующий момент Альвар понял, что вовсе не случаю обязан своим спасением. Саландер при нем взламывала тюремный сервер. Это она что-то сделала с камерами наблюдения или смонтировала отснятый материал. Другого объяснения быть не могло. Странно, но, придя к такому выводу, Альвар ощутил не только облегчение, но и страх.

Он еще раз проверил электронную почту – и выругался. Никаких писем, ни единого слова. Неужели непонятно, что Бенито здесь не место? Или так трудно организовать ее перевод в другое отделение?

На часах было четверть десятого. Снаружи снова зарядил дождь. Пришло время наведаться в камеру Фариы Кази. Теперь Альвару место там, среди заключенных, он должен превратить жизнь Бенито в ад. Отчего же он сидит в кабинете, как парализованный? Альвар еще раз оглядел комнату: что-то здесь не так. Неужели Саландер успела порыться в его бумагах? Странная была ночь, что и говорить... И она снова искала в своих списках, на этот раз некоего Даниэля Бролина. Альвар не хотел во все это вмешиваться. Саландер сделала с его компьютера обыкновенный телефонный звонок – это само по себе показалось ему странным. Но еще удивительнее был голос, которым она говорила с невидимым собеседником. Вежливый, осторожный, он как будто

существовал отдельно от нее или принадлежал другому человеку. Саландер спрашивала о каких-то старых документах. Завершив разговор, она захотела вернуться в камеру.

Альвар косился на часы; его беспокойство росло. Он поднялся со стула, но не успел сделать и шагу, как зазвонил телефон. В трубке послышался голос директора тюрьмы Рикарда Фагера. Ему было чем порадовать Альвара: тюрьма Хаммерфорсан в Хэрнёсанде готова принять Бенито уже завтра утром. Новость – что и говорить – просто фантастическая. Но Альвар не чувствовал себя победителем. Где-то в отдалении уже грохотал грузовой состав, и, спешно распрощавшись с директором, Ульсен помчался в отделение.

* * *

Нападение, которому подвергся Микаэль, было едва ли не самым отрадным событием в его жизни за последние несколько лет. Малин Фруде стояла в дверях, вся мокрая от дождя и с лицом, перепачканным потекшей косметикой. Глаза ее гневно сверкали. Блумквист замер в ожидании расправы. И пока он гадал, что она с ним сделает – сорвет одежду или ограничится парой пощечин, – Малин толкнула его в грудь. Микаэль упал на стену, а потом уже сам не помнил, как оказался в постели, а Малин сидела на нем и бормотала что-то насчет того, что он должен быть наказан – за свою сексуальность и недогадливость и за то, что такой идиот. Блумквист говорил ей ласковые слова, прежде чем начать, и в них не было притворства, он действительно соскучился по ней. Снаружи лил дождь. Белели парусники в заливе Риддарфьёрден. По оконным стеклам стекали потоки воды. Мир вокруг погрузился в тишину, но у Микаэля забыться не получилось. И когда он снова подумал о своем, Малин сразу это почувствовала.

– Я уже тебе наскучила? – спросила она.

– Что? Нет. Я ждал тебя.

Он сказал чистую правду, тем не менее почувствовал себя виноватым. Нельзя забивать голову работой спустя минуту после секса с женщиной, которую так долго ждал.

– Когда ты в последний раз говорил правду? – спросила она.

- Что? Говорил правду? Ну... я довольно часто пытаюсь делать это...
- Это опять Эрика, да?
- Скорее то, о чем мы с тобой говорили по телефону.
- Хакеры?
- И они тоже.
- Значит, Лео...
- Да.
- И чем он только тебе так интересен?
- Мне интересен не он. Я тут пытаюсь разобраться в одном деле...
- Исчерпывающее объяснение, Калле Блумквист!
- Хм... да...
- Но ты чего-то недоговариваешь, ведь так?
- Хм... возможно...
- Ты идиот? - Она медленно открыла глаза, выражение ее лица смягчилось. - А знаешь, я тоже много думала о Лео после нашего с тобой разговора.

Малин завернулась в одеяло и выглядела просто потрясающе.

- И что ты о нем думала? - спросил Микаэль.
- Я вспомнила, что он обещал рассказать мне, отчего был так счастлив в те дни. Но потом все изменилось, и мне стало неудобно донимать его расспросами.

– И с чего ты вдруг об этом вспомнила?

Малин задумалась, отвернувшись к окну.

– Он сильно напугал меня тогда. Я не могла понять, в чем дело.

– Ну, может, он влюбился?

– Именно этот вопрос я и задала ему в первую очередь, и Лео категорически это опроверг. Мы были с ним в «Риче», уже одно это можно считать чудом. Лео ведь терпеть не мог больших скоплений народа. Тем не менее мы пошли с ним в «Риче». Я как раз собиралась уходить из фонда и хотела обсудить с ним свою замену. Но Лео был совершенно невозможен. Я успела назвать несколько имен, прежде чем он перебил меня и заговорил о любви, жизни... заодно прочитал мне целую лекцию по теории музыки. В этом было что-то очень грустное, я даже не знаю что... Будто он был рожден специально для того, чтобы всю жизнь постигать какие-то гармонии, тональности, гаммы, моли... я уж и не знаю что... Я слушала его не очень внимательно. Да, он был возбужден, по-настоящему счастлив, но мне... честно говоря, было не по себе от всего этого... и я, конечно, стала допытываться, как последняя идиотка. «Что случилось? Ты должен мне все рассказать» – и все такое... Но Лео не стал ничего объяснять. Сказал только, что ему нечего сказать по этому поводу. Кроме того, что он наконец обрел дом...

– Обрел дом? Ну, тогда это, наверное, как-то связано с церковью?

– Лео никогда не был религиозным.

– Что же в таком случае?

– Понятия не имею. Но все закончилось так же неожиданно спустя несколько дней. Из него будто выпустили воздух.

– В каком смысле?

– Во всех. Помню, это было накануне Рождества, перед моим уходом из фонда Альфреда Эгрена, то есть года полтора назад или чуть больше. Мы сидели в его кабинете, а время было за полночь. Перед этим я устроила у себя дома

прощальную вечеринку, но Лео не пришел, и это меня очень огорчило. Мы ведь сблизились с ним в последнее время. – Микаэль скосил на нее глаза. – У тебя нет оснований для ревности.

– Я вообще не ревнивый.

– Знаю – и ненавижу тебя за это. Иногда не вредно поиграть в Отелло, хотя бы для видимости. Думаю, у нас с Лео был легкий флирт, не более. Как раз в то время, когда мы с тобой познакомились. Тогда моя жизнь превратилась в сплошной кавардак из-за развода, и я была рада отвлечься, хотя мы с Лео совершенно не подходили друг другу характерами. Так или иначе я позвонила ему после той вечеринки и застала его на работе. Это еще больше огорчило меня. Но Лео извинился, и это прозвучало так искренне, что я его сразу простила. И когда он спросил, не желаю ли я опрокинуть бокальчик-другой на сон грядущий, я немедленно сорвалась с места. Сама не знаю, чего я ожидала от этой ночи. Я не могла взять в толк, что он делает в своем кабинете так поздно, он ведь никогда не был трудоголиком. Тем не менее он был в кабинете... бывшем кабинете его отца... На стене Дардель[14 - Нильс Дардель (1888–1943) – шведский художник.], в углу антикварная конторка... Лео как будто стыдился этой обстановки, неприлично стильной, неприлично роскошной... Но в тот вечер, когда я пришла к нему... Я не могу этого описать. Глаза Лео горели, и голос звучал как-то... с надломом, непривычно. Тем не менее он старался выглядеть веселым. Улыбался все время, хотя взгляд был грустным. На антикварном бюро стояла пустая бутылка «Бордо» и два бокала. Очевидно, к нему кто-то приходил. Мы обнялись, распили бутылку шампанского и наговорили друг другу кучу разных любезностей. Но мне все время казалось, что мыслями Лео не со мной... «Я счастлив, – признался он. – Я только...» Он не договорил, и оба мы надолго замолчали. Лео допил шампанское и сказал, что хочет сделать большое пожертвование. «Куда?» – поинтересовалась я. Я не знала, что думать, и приняла это за минутную блажь. Но Лео сразу смутился, и я отстала со своими вопросами. Наконец я поднялась со стула, он тоже поднялся, и мы обнялись. Я прошептала: «Береги себя, Лео», вышла в коридор и вызвала лифт. Потом не выдержала и вернулась. Что за тайны были у него от меня? Чем он вообще занимался в этом кабинете? Мне срочно захотелось обо всем разузнать. Но уже с порога я почувствовала, что мешаю. Лео сидел в своем кресле и что-то писал на листке бумаги песочного цвета. При этом он, как мне показалось, очень старательно выводил буквы. В его позе чувствовалось крайнее напряжение. В глазах блестели слезы, и я не решилась беспокоить его. Он так и не увидел меня.

- И ты совсем не догадываешься, чем он мог там заниматься?

- Думаю, так или иначе это могло быть связано с его матерью. Она умерла несколько дней спустя, и Лео сразу взял отпуск, как ты знаешь, и отправился путешествовать. Разумеется, я должна была объявиться и выразить соболезнования, по крайней мере. Но у меня у самой все летело в тартарары. На новой работе я пахала сутками, а тут еще мой бывший... ну и ты, конечно. Но вчера, когда ты мне позвонил... - Малин замолчала, как будто подбирала слова, - эта сцена вспомнилась мне снова. И я поняла: что-то здесь не так... Я позвонила Лео, но оказалось, что он сменил номер.

- А он никогда не рассказывал о психологе, которого дружки Альфреда Эгрена подстрелили как-то на охоте?

- Нет, а что за психолог?

- Карл Сегер.

- Впервые слышу. Подстрелили, говоришь?..

Микаэль кивнул.

- Двадцать пять лет тому назад, на лосиной охоте возле Эстхаммара. Будто бы несчастный случай. Стрелял Пер Фельд, финансовый директор «Росвика».

- И что ты думаешь обо всем этом?

- Сам не знаю, но, как мне кажется, Сегер был близок Лео Маннхеймеру. Родители придавали большое значение развитию мальчика, так? Ну... тесты там и все такое... А Сегер изучал влияние самооценки на развитие детей. И вот я спрашиваю себя...

- Самооценки? - перебила его Малин. - Подозреваю, что у Лео она всегда была занижена.

- И о заниженной Сегер тоже писал. Лео что-нибудь рассказывал тебе о своих родителях?

– Мало и неохотно.

– Звучит интригующе.

– Херман и Вивека... – Она вздохнула. – Мне кажется, самая большая проблема Лео заключается в том, что он никогда не имел силы им противостоять. Он так и не решился встать на собственную дорогу.

– То есть финансистом он стал не по своей воле, верно?

– Не все так просто. Тем не менее я уверена, что Лео мечтал о свободе. И в тот вечер... Это было прощание, понимаешь? Не только с мамой... Поэтому я и почувствовала себя лишней.

– Ты еще называла его Гамлетом, – напомнил Микаэль.

– Я всего лишь сравнивала Лео с тобой, – поправила Малин. – Хотя... он действительно Гамлет... такой же робкий, нерешительный...

– Шекспировский Гамлет под конец озверел, – перебил ее Блумквист.

– Я всегда думала, что Лео это не грозит, но...

На лицо Малин пробежала тень, и Микаэль положил руку на ее плечо.

– Что-то вспомнила?

– Да так, ничего.

– Ну, давай, выкладывай.

– Один раз я видела Лео в бешенстве.

* * *

В 19.29 Фария Кази почувствовала приближение грузового поезда. Она ощущала его всем телом, которое уже пробирала мелкая дрожь. Через шестнадцать минут будут запирают камеры. Но до этого можно успеть многое; Фария знала это как никто другой.

В коридоре зазвенели ключами охранники, слышались голоса. Фария не разбирала слов, но по всеобщему возбуждению поняла: что-то случилось. Она не догадывалась, в чем дело, но в воздухе витала тревога. До Фарии, конечно, доходили слухи, что Бенито переводят в другое место, но до сих пор они значили для нее не больше, чем шум дождя за окном. Между тем в воздухе запахло грозой. Прошло еще немного времени – и все звуки снаружи заглушил грохот грузового состава.

Стены затряслись, народ потерянно бродил по коридору и камерам, но ничего не происходило. С некоторых пор Альвар Ульсен следовал за Фарией по пятам. Быть может, сегодня он сможет защитить ее, в последний раз. Быть может, все действительно кончится хорошо, о чем бы там ни шептались снаружи. Фария вспомнила мать, и братьев, и яркое солнце над зелеными газонами Валльхольмена. Но в следующий момент зачавкали туфли без задников и в нос ударил сладкий парфюмерный запах. Фария Кази затаила дыхание. Больше всего на свете ей хотелось пробить брешь в стене, чтобы немедленно убежать отсюда, – уехать куда-нибудь по железной дороге или просто исчезнуть. Но тело словно парализовало. Она заперта в четырех стенах, как когда-то в Сикле. Перед глазами снова встало лицо Джамала. Но ничего не помогало. Последняя надежда на спасение таяла. Поезд все грохотал, шаги все приближались. Еще несколько секунд – и Фария низвергнется в пропасть. И ничто не поможет, как бы она ни убеждала себя в том, что терять больше нечего. Стоило Бенито появиться в дверях – и Фарию охватывал смертельный ужас.

Обычно «гангстерша» начинала с того, что передавала Фарие привет от братьев, Башира и Разана. Фария так и не поняла, встречалась ли она с ними или поддерживала контакт каким-то другим образом. Но в устах Бенито и «привет» звучал как смертельная угроза. Далее начинался обычный ритуал. Бенито била Фарию по щекам, гладила ей грудь и промежность и называла сучкой и шлюхой. Фария как огня боялась и прикосновений Бенито, и ее зловещего шепота. Все это казалось ей прелюдией к чему-то более страшному. По временам девушке мерещилась блеснувшая в руке «гангстерши» сталь.

В тюрьме только и разговоров было что о ее индонезийских клинках, которые Бенито якобы лично заговорила какими-то древними заклятиями. Стоило «гангстерше» направить на кого-нибудь один из своих «керисов» – и беднягу считали покойником. Таким образом она объявляла смертный приговор. Клинки были одним из мифов Бенито, окружавших ее зловещей аурой, не менее ощутимой, чем облако парфюмерных ароматов. Сколько раз Фария представляла себе, как Бенито направляет ей в грудь свое оружие... Иногда ей даже хотелось, чтобы это произошло как можно скорей.

Внезапно шаги в коридоре стихли, и в сердце Фарии снова затеплилась надежда. Но потом туфли зашаркали снова, а потом застучали другие шаги. Бенито приближалась не одна. Фария убедилась в этом окончательно, когда к парфюмерному аромату добавился едкий запах пота и мятных таблеток. Это была Тина Грэнлунд, подельница Бенито. Фария приготовилась к самому худшему.

Сначала в двери показалась нога Бенито в пластиковой туфле. Яркая краска на ногте большого пальца контрастировала с бледной кожей. Потом появилась сама Бенито. Подвернутые рукава рубахи открывали покрытые татуировкой предплечья. Потное лицо покрыто пятнами поплывшей косметики. В глазах – лед. Тем не менее «гангстерша» улыбалась. Тина вошла следом и заперла дверь, хотя последнее не было разрешено делать никому, кроме охранников.

– Грета и Лорен сторожат снаружи. Так что нам никто не помешает, – сказала Тина.

Бенито шагнула в камеру и запустила пальцы в карман брюк.

– Меня отсылают, ты слышала? – обратилась она к Фарие. – Поэтому нам с тобой нужно прийти к какому-то решению. – Она подняла глаза. – Ты нравишься нам, Фария. Ты красивая девочка, а я люблю красивых. Но твоих братьев я уважаю тоже. Они сделали мне роскошное предложение, и теперь мы хотим знать...

– У меня нет денег, – залепетала Фария.

– Ну, девочка может расплатиться не только деньгами. У нас есть своя валюта, так ведь, Тина? Я хочу помочь тебе, Фария. – Тут она снова улыбнулась и еще глубже запустила пальцы в карман брюк. – Что у меня тут, как ты думаешь? –

продолжала она. – Что это такое может быть? Нет, это не «керис», можешь не беспокоиться на этот счет. Но эта штука мне не менее дорога...

Бенито достала какой-то черный предмет, а потом послышался металлический звук. Фария затаила дыхание. Предмет оказался стилетом. «Гангстерша» метнулась вперед и, запрокинув голову Фарии, приставила оружие к ее горлу. Девушка почувствовала, как пульсирует на шее жила. Бенито зашептала что-то о том, что вина искупается кровью и насчет долга перед родственниками. Фария слушала ее плохо. Голову кружил сладковатый парфюмерный запах, сквозь который пробивалось зловонное дыхание Бенито. В нем были едкий сигаретный дух и еще что-то такое, что напрочь лишило Фарию возможности соображать. Поэтому девушка не заметила, когда дверь приоткрылась снова и снова закрылась. Она лишь почувствовала, что обстановка вдруг изменилась. Потом поняла, что в камере появился кто-то еще. Но кто? Фария не сразу узнала Лисбет Саландер. Та выглядела странно – вся бледная и как будто в полусне. Ни единый мускул не дрогнул на лице Лисбет, когда Бенито повернулась к ней.

– Я не помешала?

– Черт. – Бенито выпучила глаза. – Кто тебя пустил?

– Девочки снаружи сопротивлялись недолго.

– Идиотки... Ты не видишь, что у меня в руке? – Бенито помахала стилетом, но Саландер не обратила на него никакого внимания. Вместо этого она уставилась на Бенито отстраненным, невидящим взглядом.

– Тогда убирайся отсюда, чертова шлюха, – зашипела «гангстерша». – Иначе прирежу, как свинью.

– Правда? – переспросила Саландер, не сводя с нее глаз. – А успеешь?

– Думаешь, не успею?

Лицо Бенито налилось краской, и она двинулась на Саландер, сжимая в руке нож.

Что произошло дальше, Фария так и не поняла. Саландер выбросила вперед локоть – и Бенито полетела на стену. Потом обмякшее тело сползло на бетонный пол. Где-то за стеной все еще грохотал поезд.

Глава 6

18 июня

Микаэль и Малин сидели рядом, прислонившись к спинке кровати. Микаэль приобнял Малин за плечи:

– Так что там произошло?

– Лео взбесился, – тихо ответила она. – Послушай, у тебя нет красного вина?

– Кажется, «Бароло». – Блумквист поднялся с постели и ушел на кухню.

Когда он вернулся с бутылкой и двумя бокалами, Малин снова сидела, отвернувшись к окну. Над Риддарфьёрденом все еще лил дождь. Над водой висела пелена тумана, где-то выла сирена. Микаэль наполнил бокалы и поцеловал Малин в щеку и губы. Потом накрыл одеялом себя и ее, и Малин начала рассказывать.

– Ты знаешь, что Альфред поставил Ивара генеральным директором фонда, хотя тот был младшим среди его детей и всего на три года старше Лео. Они с ним знали друг друга с детства. Но никогда не дружили, скорее были врагами.

– И в чем причина?

Малин пожала плечами.

– Соперничество, комплексы неполноценности и все такое... Ивар понимал, что Лео талантливее его. Он видел, что Лео не принимает его всерьез, и это страшно

его бесило. Ивар любил поесть и обедал в самых дорогих ресторанах, поэтому был весь такой толстый и рыхлый. Ему ведь и сорока тогда не было, а выглядел как старик. А Лео никогда не терял формы и иной раз мог сойти за двадцатипятилетнего. С другой стороны, Ивар был самоувереннее и сильнее, но вот...

Малин поморщилась и глотнула из бокала.

- Что? - не выдержал Микаэль.

- Иногда мне стыдно, что я была одной из них. Ивар, в общем, был неплохим парнем. Туповатым, но сносным. Однако иногда совершенно слетал с катушек и становился отвратителен. Думаю, он смотрел на Лео как на конкурента, который хотел занять его место. Что и говорить, многие в правлении желали бы видеть генеральным директором Лео, а не Ивара. Как-то раз он собрал совещание. Я тогда дорабатывала в фонде последние дни - дело было как раз накануне нашей ночной встречи с Лео. Предполагалось обсудить, помимо прочего, кандидатуру моего преемника в фонде. Но, как это всегда бывает, разговор зашел о другом. Ивар с самого начала был на взводе. Вероятно, он, как и я, предчувствовал: что-то должно произойти. Но Лео так и сиял. В ту неделю он редко показывался на работе, и Ивар на него наехал. Когда он обозвал Лео лицемером и трусом, тот только улыбнулся и тем самым спровоцировал Ивара на дальнейшие оскорбления. Он разбудил в Иваре расиста - самое худшее, что в нем было. И Ивар обозвал его бродягой и цыганом. Я думала, Лео не станет обращать внимание на идиота, но он рассвирепел. Он налетел на Ивара и вцепился ему в горло. В буквальном смысле. Я бросилась их разнимать, Лео упал на пол. Он был вне себя от ярости. Помню, все бормотал: «Мы не такие... мы лучше...»

- И что Ивар?

- Сидел на стуле весь красный как рак. Потом нагнулся к нам, извинился и сразу ушел. А я осталась сидеть рядом с Лео на полу.

- И что было дальше? - Микаэль просто сгорал от любопытства.

- Ничего, насколько я помню. До сих пор не могу понять, что тогда случилось с Лео. Просто безумие какое-то...

– Разве не безумием было обзывать его цыганом и бродягой?

– Это вполне в духе Ивара, – кивнула Малин. – Он ведь, в сущности, неотесанный болван, а уж если слетает с катушек... С тем же успехом он мог бы обзывать Лео свиньей, для Ивара это одно и то же. Думаю, это у него от отца. Эгрены всегда считали себя белой костью. Теперь я жалею, что вообще связалась с ними.

Микаэль кивнул и глотнул из бокала. Наверное, ему следовало бы задать еще какой-нибудь вопрос, по крайней мере, как-то утешить Малин, но в голове крутилось другое. В этот момент он понял, каким образом Лисбет может быть связана с Лео Маннхеймером. Кто-то из ее предков по матери тоже был цыганом. Как будто отец Агнеты. Именно поэтому мать и попала в Реестр, который позже был признан незаконным[15 - В 1943 г. в Швеции была проведена так называемая «инвентаризация цыган» («zigenerainventeringen»), позже признанная незаконной.].

– Но ведь это не так, – задумчиво заметил Блумквист.

– Что не так?

– Что Ивар на самом деле считал себя белой костью.

– Считал, как мне кажется... Странно, конечно, Маннхеймер как будто имел для этого не меньше оснований. Слушай, – она внимательно посмотрела на Микаэля, – с какой стати тебя это вообще заинтересовало?

– Сам пока не знаю.

Малин заметно погрузтелла, и Микаэль снова обнял ее за плечи. Сейчас он был уверен в одном: что будет искать дальше. Он углубится в историю; дойдет до старинных приходских книг, если потребуется.

* * *

Лисбет ударила сильно – слишком сильно, пожалуй. Она поняла это еще до того, как Бенито сползла на пол, – возможно, даже раньше, чем ударила. По той непередаваемой легкости, которую ощутила в мышцах за секунду до броска.

Борцы знают, что самые страшные удары наносятся без усилий. Этот пришелся в самую уязвимую точку на гортани, два последующих поразили Бенито в челюсть. Лисбет шагнула в сторону – чтобы освободить место для падающей Бенито и лучше обозреть ситуацию. «Гангстерша» рухнула лицом вниз, и только потом Лисбет услышала хруст ломающейся кости. Это было больше, чем нужно. Вид у Бенито был жалкий, она не издавала ни звука, даже как будто не дышала. Лисбет Саландер не слишком огорчила бы ее смерть, но такой поворот был чреват определенными сложностями. Кроме того, Тина Грэнлунд все еще стояла рядом.

В отличие от своей покровительницы, Тина не отличалась ни решительностью, ни характером. Но она была рослой, жилистой и быстрой, и ее удар – особенно не прямой – отразить оказалось не так-то просто. Лисбет лишь удалось его ослабить. В ушах зазвенело, загорелась щека. Саландер быстро оправилась и встала в стойку, но, к ее изумлению, Тина и не думала продолжать борьбу. Вместо этого она уставилась на свою госпожу округлившись от ужаса глазами. Из рта Бенито тянулась струйка крови, разветвлявшаяся на множество ручейков, быстро заполнявших трещины в бетонном полу. Тина побледнела.

– Бенито, ты жива? – прошептала она.

– Жива, – ответила за «гангстершу» Саландер, хотя совсем не была в этом уверена.

Ей и раньше приходилось отправлять людей в нокаут – и на ринге, и так, но в большинстве случаев ее жертвы вздрагивали, стонали или издавали какие-либо другие звуки. В отличие от них, массивное тело Бенито не подавало ни малейшего признака жизни. Саландер стояла над ней, раздвинув ноги на ширину плеч. Фария Кази все так же сидела на койке, обхватив руками колени, и с недоумением смотрела на Саландер.

– Я вытащу тебя отсюда, – сказала Лисбет, неожиданно повернувшись к Фарие.

* * *

Хольгер Пальмгрен лежал в постели в своей квартире в Лильехольмене и вспоминал последний разговор с Лисбет Саландер. Он до сих пор не нашел

ответов на ее вопросы, и это его огорчало. Будучи старым и больным, Хольгер не смог бы добраться до нужных документов без посторонней помощи. Но к кому ему было обратиться? Сиделки игнорировали его просьбы. В последнее время боли в ногах и бедрах стали невыносимыми, и Пальмгрен не мог передвигаться даже при помощи роллатора. Постоянная сиделка Хольгера, равно как и приходящие медсестры, разговаривала с ним как с пятилетним малышом и как будто всей душой ненавидела и свою работу, и стариков. В свое время Пальмгрен не без гордости отверг предложение Саландер нанять частную сиделку – и теперь все чаще жалел об этом. На днях он спросил юную Мариту, с неизменно кислой миной поднимавшую его с постели, есть ли у нее дети.

– Я не обязана рассказывать вам о своей личной жизни, – пробурчала та.

Он старался быть с ними вежливым, но это воспринималось как подхалимство и проявление слабости. Старость оскорбительна сама по себе. Каждый раз, когда возникала необходимость сменить подгузник, Хольгер вспоминал одно стихотворение Гуннара Экелёфа[16 - Гуннар Экелёф (1907–1968) – шведский поэт, эссеист, переводчик.]. В последний раз он читал его еще в школе, но помнил наизусть, хотя, возможно, и привирал местами. Стихотворение называлось «Им должно быть стыдно», и его лирический герой – вероятно, alter ego автора – сравнивал свою смерть с медленным погружением в болото. «И последним, что вы увидите, – говорил он, – будет мой кулак, взметнувшийся среди кувшинок, и пузыри, которыми поднимутся на поверхность мои слова».

Дальше могло быть только хуже, но у Хольгера всегда оставалось право на несогласие. Каким бы несчастным он себя ни чувствовал, никто не мог отнять у него возможности сопротивляться – вот о чем было это стихотворение. Пусть он идет ко дну, но с гордо поднятым кулаком, и это его протест против боли, унижения, ворчливых медсестер и подгузников.

Хотя не все было так плохо. У Хольгера оставались друзья – прежде всего Лисбет и Лулу, которая должна была прийти и достать для него нужные документы из ящика. Лулу – рослая, красивая девушка с роскошной косой – была родом из Сомали. Одним взглядом добрых, понимающих глаз она возвращала Хольгеру чувство собственного достоинства. Это Лулу ухаживала за ним по ночам – когда требовалось поставить морфиновый пластырь или сменить сорочку. По-шведски она говорила не без ошибок, но вопросы задавала по делу. И никаких там «ну что, мы уже проснулись?», никакого дурацкого множественного числа. Лулу хотела совершенствоваться в своей профессии и

нередко спрашивала у Хольгера совета. Она воспринимала его как умудренного жизнью человека, у которого есть чему поучиться.

Лулу была единственная, кому Пальмгрен рассказал о своей поездке во Флудбергу. Он вспоминал ее как кошмарный сон. Один только вид семиметровых бетонных стен потряс старика до глубины души. Как могла Лисбет оказаться в таком месте? Что она такого сделала? Неужели спасение ребенка – такое страшное преступление? Все это было выше его разума. Хольгер так и не смог справиться с нервами и, оказавшись в комнате свиданий, заговорил совсем не о том, о чем было нужно. Он спросил Лисбет о татуировке, которая давно уже привлекала его внимание. Поколение Хольгера вообще плохо понимало искусства такого рода. Зачем покрывать рисунками такую изменчивую субстанцию, как человеческое тело?

Лисбет ответила коротко, но вполне исчерпывающе. Хольгер же был так взволнован, что нес всякую чушь. Сам он едва ли осознавал, что говорит. Что же такое на него нашло? Впрочем, причина была ясна – по крайней мере, самому Пальмгрену. Не так давно его навестила Май-Бритт Торелль, пожилая дама, в лице которой было что-то птичье. Когда-то фру Торелль работала секретаршей у Юханнеса Кальдина, директора детской психиатрической клиники Святого Стефана, где одно время лечилась Лисбет. Прочитав о бывшей пациентке в газетах, Май-Бритт заинтересовалась ею и принялась изучать ее историю болезни – в отсутствие доктора, разумеется. Передавая Хольгеру бумаги из архива больницы, фру Торелль сочла необходимым заметить, что прежде никогда не нарушала врачебной тайны. «Но здесь особый случай, – объяснила она. – Вы и представить себе не можете, через что прошла эта девочка». Май-Бритт хотела, чтобы кто-нибудь «разобрался в ситуации», именно за этим она и передала бумаги Хольгеру.

Пальмгрен, конечно, поблагодарил Май-Бритт, но уже беглое знакомство с документами разочаровало его. Опять эта старая песня! Вот уже в который раз Хольгер читал о том, как психиатр Петер Телеборьян издевался над Лисбет, привязав ее к койке кожаными ремнями. На первый взгляд документы не содержали ничего нового, но что, если Хольгер ошибался? Лисбет, во всяком случае, сразу разволновалась. Похоже, теперь она не сомневалась в том, что является объектом широкомасштабного, санкционированного правительством эксперимента. Лисбет сказала, что уже знает имена других «подопытных кроликов», как младше, так и старше ее. Но вот чего она так и не нашла, так это имен самих экспериментаторов. Похоже, в этой части кто-то основательно

подчистил архивы.

– Присмотрись повнимательнее, – попросила Лисбет Хольгера по телефону. – Вдруг найдешь что-нибудь интересное.

Лулу была единственной, кто мог помочь в этом Хольгеру.

* * *

Наконец Бенито заворочалась. Она сыпала проклятьями, шипя и отплевываясь, прежде чем смогла оторвать голову от пола. Слова срывались с ее губ вместе с кровью:

– Я направила на тебя свой «керис», слышишь? – прохрипела «гангстерша». Слова вырывались из ее горла вместе с кровью. – Мой кинжал смотрит на тебя. Ты покойница.

Это был смертный приговор. Объявляя его, Бенито чувствовала, как к ней возвращается былая власть. Но Саландер, похоже, не слишком впечатлилась.

– Сейчас ты больше похожа на покойницу, тебе не кажется? – отозвалась она.

Вскоре Лисбет будто бы и вовсе забыла о ее существовании. Она стала прислушиваться к звукам в коридоре, и Фария поняла почему. Снаружи застучали шаги, потом послышался голос: «Какого черта, разойдитесь», и в дверях возникла фигура начальника охраны Альвара Ульсена.

– Что здесь случилось? – спросил он, тяжело дыша.

Его взгляд метнулся от Бенито и Лисбет к сидевшей на кровати Фарие Кази.

– Что здесь произошло, черт подери?

– Узнаёшь? – Лисбет кивнула на распростертую у ее ног Бенито.

Альвар еще раз оглядел «гангстершу» и остановил взгляд на зажатом в ее руке стилете.

– Какого черта...

– Где вы только были с вашими металлодетекторами, – пробурчала Саландер.

– Но ведь... Так ведь... – бормотал Альвар, тыча пальцем в сломанную челюсть Бенито.

– А это то, что тебе давно следовало бы сделать, Альвар.

Ульсен не мог оторвать глаз от истекающей кровью, бледной как смерть Бенито.

– Ты покойница, Саландер, – продолжала шептать та, – мой «керис» смотрит в твою сторону...

Альвар почувствовал, как в нем поднимается волна панического страха. Дрожащими пальцами он нащупывал на ремне кнопку тревоги, одновременно выдергивая рацию.

– Она убьет тебя, – сказал он.

– Это моя забота, – отозвалась Саландер. – Мне и не такие угрожали.

– Вряд ли.

В коридоре раздались шаги. Или эти идиоты все время находились где-то поблизости? Последнее совсем не удивило бы Альвара. Он подумал о Вильде и угрозах Бенито в ее адрес. И эта женщина держала в страхе все подразделение... какой позор! Альвар вспомнил слова Саландер: «Это то, что тебе давно следовало бы сделать». Он понимал, что теперь ему следует каким-то образом завоевать ее уважение. Но как? До сих пор Альвар ничем его не заслужил.

Тем временем в камеру ворвались коллеги, Харриет и Фред, и как безумные уставились на Бенито. В ее нескончаемых бормотаниях уже нельзя было

разобрать отдельных слов, только слоги «ке» и «кри», на которых она каждый раз словно запиналась.

- Что за черт, - пробормотал Фред и повторил еще раз, громче: - Что за черт!

Альвар шагнул к нему и прокашлялся, только тогда Фред заметил его присутствие. В глазах Ульсена застыл ужас, на лбу и щеках блестели капли пота.

- Ты уже вызвала врача, Харриет? - спросил он. - Немедленно сделай это. А ты, Фред...

Альвар и сам толком не знал, что хотел от Фреда. Он оттягивал время, потому что до сих пор не придумал, что бы такого им сказать, чтобы в сложившейся ситуации выставить себя в самом выгодном свете.

Фред не дал ему времени на размышления.

- Что за черт! - повторил он еще раз. - Что здесь произошло? Это ты ее ударил?

Альвар ответил не сразу. Но в эту секунду ему снова вспомнился разговор с Бенито в саду и то, с каким непроницаемым холодом в глазах «гангстерша» описывала ему классную комнату и цвет резиновых сапог Вильды.

- Я, - кивнул Альвар.

В первый момент он испугался и оглянулся на Саландер. Лисбет тряхнула головой, словно не ожидала от Ульсена ничего другого. Но отступить было поздно, и момент для колебаний был самый неподходящий.

- Это сделал я, - повторил он громче. - Она угрожала всему подразделению.

- Но... черт. - Фред утер лоб и склонился над телом. - Бенито, Бенито... ты жива?

- Ты бы лучше побеспокоился о ней. - Альвар кивнул в сторону Фарики Кази. - Мы превратили подразделение черт знает во что... Видишь, что у нее в руке? - Альвар кивнул на стилет. - И это она хранила у себя в камере, несмотря на все наши металлодетекторы. Еще немного - и она набросилась бы на Фарику. Я

подоспел вовремя.

Альвар запнулся, словно понял, что зашел слишком далеко, и снова скосил глаза на Саландер. Он ожидал от нее одобрения, поддержки, но Лисбет оставалась тверда, как скала.

– Она хотела убить меня, – подала голос Фария Кази и подняла голову, демонстрируя красное пятно на шее.

Это придало Альвару смелости:

– И что я должен был, по-вашему, делать? – Он поочередно посмотрел на коллег. – Ждать, когда Бенито ее прирежет?

Альвар не по своей воле ввязался в эту игру, но теперь выходить из нее было поздно. В дверях уже толпились заключенные, готовые вломиться в камеру. В любую секунду ситуация грозила выйти из-под контроля. В коридоре уже раздавались угрозы и ругань. Но потом кто-то зааплодировал, и волну возмущения перебили радостные женские возгласы. Настроение толпы сменилось. Гул голосов нарастал, ширился, заполняя все помещение корпуса, пока не сменился радостно-возмущенным воем, какой бывает на боксерском ринге или на стадионе. Отдельные гневные реплики были направлены не только против Альвара. Заключенные выкрикивали имя Саландер, как будто слухи о том, что произошло между ней и Бенито, уже успели просочиться за стены камеры.

Ульсен понимал, что должен действовать. Теперь ему не оставалось ничего другого, как только идти до конца. Он закричал, что надо оповестить полицию. Хотя, конечно же, в «Подразделение Б» уже со всех сторон бежали охранники. Так бывало всегда в случае беспорядков. Альвар лихорадочно соображал, развести ли ему заключенных по камерам сейчас или дождаться подкрепления. Он приблизился к Фарие Кази и велел Харриет и Фреду показать ее врачу и психологу. Потом повернулся к Саландер и жестом приказал следовать за ним.

Оказавшись в коридоре, Альвар буквально кожей чувствовал, как вокруг него накаляется атмосфера. Недовольство сдерживалось, бурлило, в любой момент готовое выплеснуться наружу. Альвар толкнул Саландер в камеру, проскользнул следом и запер дверь, в которую уже колотили кулаки. Коллеги отчаянно

призывали женщин к порядку. Альвар молчал, не сводя глаз с Саландер. Сердце его билось в груди, как молоток. Лисбет приблизилась к столу, не удостоив его ни единым взглядом, и задумалась, взъерошив пальцами волосы.

– Я привыкла сама отвечать за свои поступки.

– Я всего лишь хотел тебя выгородить, – оправдывался Альвар.

– Не ври. – Она впервые подняла на него глаза. – Ты хотел выглядеть лучше, чем ты есть... Все нормально. Можешь теперь уйти.

Альвар не договорил. Он хотел объяснить как следует, но боялся показаться смешным. Уже в дверях он услышал за спиной голос Саландер:

– Я ударила ее в гортань и попала как раз куда нужно.

«В гортань», – мысленно повторил Альвар, прокладывая себе путь в толпе заключенных.

* * *

В ожидании Лулу Хольгер Пальмгрен пытался вспомнить, что же такого было в тех документах. Что он мог там проглядеть? Историю с удочерением Лисбет? Но он всегда знал о ней. И о том, как ее отец насиловал Агнету – тоже... Ладно, скоро все прояснится. Лулу всегда пунктуальна. Она работает четыре дня в неделю, и сегодня как раз ее вечер. Хольгер истосковался по ней. Лулу положит его в постель, поставит морфиновый пластырь и принесет документы из нижнего ящика стола в гостиной, куда положила их после визита Май-Бритт Торелль.

Хольгер пообещал себе быть внимательным. Может, хоть на этот раз ему удастся помочь Лисбет... В этот момент в бедро словно вонзили нож, и он застонал от боли. «Где же ты, Лулу, приходи скорее», – мысленно взмолился Хольгер. И она явилась – не прошло и пяти минут, в течение которых он ждал, барабанив пальцами здоровой руки по одеялу. На лестнице слышались шаги, дверь заскрипела. Какое чудо, что она пришла на двадцать минут раньше... Но Лулу вошла молча, без обычного громкого приветствия, быстро проскользнула в

гостиную, а затем в спальню.

Хольгер затаил дыхание. Бесстрашие – одна из немногих привилегий старости. Трудно напугать того, кому нечего терять. Но страх Пальмгрена был другого рода. Сейчас Лулу вложит ему в руки бумаги, при помощи которых он сможет помочь Лисбет. В кои-то веки старик почувствовал, что ему есть для чего жить.

– Привет.

– Господи, ты не спишь! А я так надеялась...

– Я ждал тебя. Я никогда не сплю в твою смену.

– Но ты был такой усталый в последние дни. Думаю, это поездка в тюрьму так тебя измотала...

Лулу появилась в дверях в разноцветном африканском платье, с яркой косметикой на лице.

– Тебе было тяжело со мной?

– Не надо об этом.

– Прости, я хотел как лучше.

– Ты все делаешь лучше некуда. Твоя главная проблема в том, что ты слишком часто извиняешься.

– Прости.

– Ну вот, видишь...

– Что с тобой, Лулу? Ты сегодня такая нарядная...

– Познакомилась со шведским мужчиной из Вестерханинге. Инженер и с новой «Вольво», представляешь?

- Он, конечно, без ума от тебя.

- Надеюсь.

Лулу поправила подушку и помогла Хольгеру сесть. Пока спинка больничной койки со скрипом принимала вертикальное положение, Лулу не переставала щебетать о мужчине из Вестерхантинге по имени Роберт или Рольф - Хольгер слушал ее плохо. Наконец она положила ладонь ему на лоб.

- Ты вспотел, старичок. Пожалуй, пора принять душ.

Никто не умел говорить глупости с такой нежностью, как это делала Лулу. Обычно Хольгер любил поболтать с ней, но сегодня он молчал, глядя на неподвижную левую руку, и чувствовал, как в нем поднимается раздражение на собственную беспомощность.

- Прости, Лулу. Не могла бы ты для начала сделать для меня кое-что другое?

- Всегда твоя услуга, - послушно отозвалась девушка.

- «Всегда к твоим услугам», - поправил Хольгер. - Будь добра, принеси бумаги из нижнего ящика. Мне надо просмотреть их еще раз.

- Но там такие ужасы... - схватилась за голову Лулу. - Ты же сам рассказывал.

- Ужасы, - подтвердил Хольгер. - Тем не менее мне надо взглянуть на них еще раз.

- Конечно, конечно...

Лулу исчезла в гостиной и вскоре появилась снова, с пачкой бумаг. Теперь их как будто было больше, чем в прошлый раз. Как видно, Лулу прихватила из ящика что-то лишнее. У Пальмгрена от волнения перехватило дыхание.

- Вчера ты как будто был повеселее, Хольгер, - услышал он голос Лулу. - Это опять та Саландер, да?

Она водрузила кипу на ночной столик, освободив для нее место среди таблеток и книг.

- Это она. Было ужасно видеть ее в тюрьме.

- Понимаю.

- Можешь прихватить мою зубную щетку... Заодно поставить пластыри... и... пододвинь мою ногу чуть влево, ладно? Все тело ниже пояса... - Хольгер замолчал, подбирая слова.

- Как будто ножами режут? - подсказала Лулу.

- Именно, ножами, - согласился Хольгер. - Я так часто это говорю?

- Ты все время так говоришь, - кивнула Лулу.

- Вот видишь... это старческое. А теперь я хотел бы заняться бумагами... Слушай, не пора ли тебе навестить твоего Рогера?

- Рольфа, - поправила Лулу.

- Рольфа. Надеюсь, он порядочный человек. Это главное.

- Ты уверен? - переспросила Лулу. - А ты всегда встречался только с порядочными женщинами?

- Мне следовало бы встречаться только с порядочными, скажем так.

- Все вы так говорите, а сами только и делаете, что бегаєте за смазливými мордочками.

- Не скажи...

Терпение Хольгера было на исходе. Он попросил Лулу немедленно дать ему кипу, которую не смог удержать даже здоровой рукой. Лулу еще меняла сорочку и ставила морфиновые пластыри, а Хольгер уже погрузился в чтение. Время от времени он поднимал голову от бумаг, чтобы сказать Лулу что-нибудь приятное и ободряющее, и на прощание пожелал ей удачи с этим Рольфом или Рогером.

Далее Хольгер целиком погрузился в чтение. Бумаги в большинстве своем были медицинскими отчетами, протоколами обследований, рецептами и указаниями лечащим терапевтам – за подписью все того же психиатра Петера Телеборьяна. От одного перечня принудительных мер у Пальмгрена побежали по спине мурашки. И все-таки ничего нового во всем этом не было. А главное – старик не видел в бумагах того, что интересовало Лисбет. Он пролистывал их снова и снова, даже поднеся к глазам лупу, пока наконец ему не попало нечто, что привлекло его внимание.

Собственно, это было не бог весть что – коротенькая записка за подписью Телеборьяна, касающаяся перевода Лисбет в клинику Уппсалы. Но в ней Хольгер увидел то, что искал: имена.

Пациентка, ранее известная из Реестра изучения генетики и среды (РИГС). Принимала участие в Проекте 9 (результат: неудовлетворительный). Решение о помещении в приемную семью, принятое профессором социологии доктором Мартином Стейнбергом, нереализуемо: пациентка проявляет склонность к побегам и отличается исключительной изобретательностью. Подробнее – см. инцидент с Г. в квартире на Лундагатан: пациентка бежала из дома в возрасте шести лет.

Шесть лет? Не об этом ли «инциденте» Лисбет говорила ему в тюрьме? И кто в таком случае фигурирует под литерой Г, женщина с родимым пятном на шее? Возможно, хотя утверждать трудно. Он еще раз перечитал записку и не смог удержаться от улыбки. «Отличается исключительной изобретательностью», – пишет Телеборьян. Есть вещи, очевидные даже идиоту. Хотя оснований для веселья мало. Если верить этой записке, Лисбет хотели забрать из семьи уже в раннем детстве.

Мать, Агнета Саландер, определена в интернат в Эппельвикене – тяжелое повреждение мозга вследствие удара по голове. Ранее встречалась с психологом Хильдой фон Кантерборг, которая, нарушив врачебную этику, рассказала ей о секретных списках. От дальнейшего общения с пациентами отстранена. О прочих мерах – см. у профессора Стейнберга и Г.

Мартин Стейнберг? Хольгер задумался. Имя показалось ему знакомым. Не без усилий – что ему сейчас давалось без усилий? – Пальмгрен набрал его на мобильнике в «Гугле». Ну, конечно... Как же он мог забыть? Хотя друзьями они с Марином Стейнбергом никогда не были. В первый раз их пути пересеклись лет двадцать пять тому назад. Не кто иной, как Стейнберг, выступал экспертом по делу одного парня, которого обвиняли в нанесении телесных повреждений собственному отцу. Хольгер защищал его в суде и страшно обрадовался, когда Стейнберг встал на его сторону. Он ведь уже тогда был членом престижных комитетов и комиссий. Его методы многие называли устаревшими и негибкими, но в тот раз они сработали. Клиент Пальмгрена был оправдан. Тогда они выпили по бокалу вина с Марином Стейнбергом и потом время от времени встречались и всегда тепло приветствовали друг друга. Кто знает, может, и на этот раз Хольгеру удастся выудить из Стейнберга что-нибудь полезное?

Старик размышлял, лежа в постели с кипой бумаг на груди. Что, если позвонить ему прямо сейчас? Пока Хольгер взвешивал все «за» и «против», морфиновый пластырь начал действовать. Боль в бедре поутихла, словно теперь в мышцы вонзали не ножи, а тоненькие иголки. Он должен был перебороть себя, ведь Лисбет просила... Теперь у него на руках документы, осталось разработать новую стратегию. Хольгер набрал номер и, пока шли сигналы, смотрел на часы. Двадцать минут одиннадцатого – поздно вато для звонка. Хотя ему звонили и позже... В любом случае он должен быть предельно осторожен.

Его размышления прервал голос Стейнберга – настолько уверенный и властный, что Хольгер сразу смутился. Он извинился, представился. Стейнберг не выказывал ни раздражения, ни неудовольствия. Выслушав поздравления Хольгера с многочисленными премиями и назначениями, о которых только что узнал из «Википедии», профессор проявил взаимную вежливость и осведомился о его здоровье.

– Что вам на это сказать? – рассмеялся старик. – В мои годы радуешься любой болячке – хоть так понимаешь, что жив.

Мартин Стейнберг рассмеялся вместе с ним. Потом пришло время воспоминаний о прошлом. И только после этого Хольгер перешел к делу. Один из его клиентов, сказал он, заинтересовался работой профессора Стейнберга с так называемым Реестром. Лишь произнеся это слово, Хольгер понял, что ошибся. Стейнберг не то чтобы испугался, но сразу занервничал.

- Не понимаю, о чем вы, - перебил он Пальмгрена.

- В самом деле? - удивился Хольгер. - Но здесь черным по белому написано...

- Где написано?

- В бумагах, которые я держу в руках.

Уверенность вмиг выветрилась из голоса Пальмгрена, теперь он как будто оправдывался.

- Но что именно там сказано? - продолжал насесть профессор.

- Для этого я должен присмотреться внимательнее.

- Вам непременно надо это сделать.

- Уж не путаю ли я чего... знаете, такое бывает со стариками.

- Бывает, - согласился Стейнберг все в том же натянуто-шутливым тоне.

Профессор нервничал и безуспешно пытался это скрыть. Но хуже всего было то, что он прекрасно осознавал безуспешность этих попыток.

- Не исключено, что и в бумагах допущена какая-то ошибка, - подливал он масла в огонь. - А что за клиент?

Хольгер пробормотал, что этого сказать не может. Теперь он лишь выжидал момент, чтобы прекратить неприятный разговор. Но, не успев положить трубку, старик уже понял, что беседа в любом случае не останется без последствий. Как

он только мог быть таким идиотом? Он хотел как лучше, но в результате только подставил себя.

Тем временем на Лильехольмен опустилась ночь. Бессильная злоба на самого себя вылилась в новый приступ боли в спине и бедрах. Хольмер Пальмгрен заохал – что за проклятье эта старость...

Глава 7

7 июня

Проснувшись рано утром в воскресенье, Микаэль Блумквист первым делом прошмыгнул на кухню, чтобы не будить Малин. Он надел джинсы и серую хлопковую рубашку, приготовил крепкий капучино и бутерброд и сел за стол, обложившись свежими газетами. Позавтракав, Микаэль включил компьютер и задумался. С чего начать? Он перерыл все, что только можно, – архивы, списки и базы данных, постановления судов, завещания, бухгалтерские книги и налоговые декларации. Он обходил ограничения доступа, пользуясь статусом журналиста, и умел отыскать лазейку даже в самых, казалось бы, безнадежных случаях. Но, сколько Блумквист ни рылся в мусорных баках – почти в буквальном смысле этого выражения, – сколько ни изучал старые фотографии, за которыми забирался в самые труднодоступные тайники, так и не смог обнаружить ни единого свидетельства об усыновленных или внебрачных детях в роду Маннхеймеров.

Он привык доверять журналистскому инстинкту – хотя до сих пор не мог понять, насколько это правильно. И сейчас этот инстинкт ясно подсказывал ему, что Ивар Эгрен неспроста обозвал Лео Маннхеймера «цыганом». На первый взгляд все это казалось в высшей степени странным. Уж коли речь шла о пресловутой «голубой крови», здесь Лео имел перед Эгренем все преимущества. В конце концов, он являлся отпрыском рода, известного по меньшей мере с XVII века. Очевидно, за этим оскорбительным эпитетом стояло нечто, что Микаэлю только предстояло выяснить.

Уже первые попытки навести справки в Сети вызвали у Блумквиста невольную улыбку. По какой-то непонятной причине поиски фамильных корней превратились в последнее время в нечто вроде общенационального движения. Интернет изобиловал сайтами, на которых выкладывались сканированные церковно-приходские книги, данные мигрантских служб, подушные переписи и генетические базы данных. Это было золотое дно, но только для тех, кто ищет предков в далеком историческом прошлом. Таким, при наличии денег и терпения, предоставлялась возможность сколь угодно долго отслеживать перемещения своих пращуров с континента на континент – вплоть до африканской прародины человечества.

Иначе обстояло дело с теми, кто попал в приемную семью в недалеком прошлом. В отношении таковых действовал семидесятилетний запрет на разглашение тайны усыновления, который мог быть снят лишь в исключительных случаях и только по решению суда. Хотя именно «исключительность» журналисты понимали по-своему. И Микаэль Блумквист знал не хуже, чем его не отличавшиеся особой деликатностью коллеги: на то и существуют запреты, чтобы их обходить.

Часы показывали половину восьмого. Малин все еще нежилась в двуспальной кровати, а над Риддарфьёрденом уже занимался солнечный день. На сегодня была назначена лекция Лео Маннхеймера в Музее фотографии, которую они с Малин собирались посетить. Но перед этим Микаэль должен был попытаться навести справки о Лео Маннхеймере. Выходной – не самое подходящее для этого время, почти все инстанции закрыты. Ко всему прочему Микаэль был вынужден признать, что после вчерашнего разговора с Малин он совершенно утратил симпатию к своему герою. Последнее, впрочем, не имело к делу никакого значения. Блумквист и не думал отступать. Первым делом следовало взять в государственном архиве церковно-приходскую книгу с записью о рождении Лео. Если Микаэлю откажут, у него будут основания для подозрений. Хотя совсем не обязательно. Церковно-приходские книги засекречивают по разным причинам. Микаэль должен идти дальше и сделать запрос на персональное досье Лео и его родителей. В персональных досье – которые засекречивают лишь в редких случаях – обычно имеются сведения о перемене места жительства. Если на момент рождения Лео он и Вивека с Херманом были приписаны к разным приходам, есть основания полагать, что они не являются его биологическими родителями. Прежде всего Микаэль имел в виду Вестерледский приход в Нокебю.

Он написал запросы в государственный архив, однако внезапно вспомнил, что не может отправить их под своим именем. Оно как красная тряпка – чиновники сразу же заподозрят неладное. Далее пойдут слухи – Микаэль Блумквист не берется за расследование просто так. Огласка нужна ему в последнюю очередь, особенно если дело Лео Маннхеймера действительно окажется щекотливым. Микаэль решил позвонить в архив завтра утром и воспользоваться своим правом на анонимность. Хотя у Блумквиста оставалась еще одна лазейка – Хольгер Пальмгрен. Сумел же он, в конце концов, добраться до Флудберги. В любом случае стоит позвонить старику и осведомиться о его здоровье. Микаэль достал мобильник и взглянул на часы: не рановато? Нет, Пальмгрен встает на рассвете и день недели не имеет для него никакого значения. Он набрал номер Хольгера, но тот оказался недоступен. Попытка дозвониться на стационарный телефон также успехом не увенчалась. Микаэль снова взял мобильник, когда услышал за спиной шаги босых женских ног и, расплывшись в улыбке, обернулся.

* * *

Хольгера Пальмгрена совсем не удивило, что его мобильник не работает. Что у него вообще работало? Промучившись несколько часов болями в ногах и спине, Хольгер чувствовал себя самым жалким существом на свете. В конце концов, что с ним происходит? Он уже понял, что вчерашний разговор – ошибка. Стейнберг – обыкновенный отморозок, в каких бы там комиссиях он ни состоял. В пользу этого говорит уже одно его решение о помещении Лисбет в приемную семью вопреки воле ее матери, не говоря уже о ней самой. Боже ты мой, как же можно быть таким дураком! Пальмгрону нужно было срочно дозвониться до Лисбет. Но как это сделать без мобильника? Стационарный телефон Хольгер давно отключил – уж слишком часто досаждали ему звонками продавцы разного рода услуг. Он, поди, и разъем из гнезда вынул...

Так и есть. Хольгер повернулся, превозмогая боль, перегнулся через край кровати и вставил разъем в гнездо. Потом упал на постель, полежал несколько минут, тяжело дыша, и только после этого нашел в себе силы поднять телефон на ночной столик. Хольгер поднес к уху трубку. Гудки есть, а это уже кое-что. Хольгер позвонил в телефонное агентство и попросил соединить его с администрацией женской колонии во Флудберге.

Пальмгрен не ожидал, что там очень обрадуются его звонку, и все-таки не приветливость в голосе женщины сразу смутила его.

– Меня зовут Хольгер Пальмгрен, – представился он. – Я адвокат и хотел бы поговорить с сотрудниками отдела охраны. Дело срочное и крайне важное.

– Вам придется подождать, – холодно отозвалась женщина.

– Я же сказал: дело не терпит отлагательств.

Тем не менее ждать все-таки пришлось. После бесконечных звонков и переключений его соединили с сотрудницей отдела безопасности Харриет Линдфорс. Хольгер вздрогнул, услышав в трубке ее строгий голос, но в следующий момент собрался и тоном, не терпящим возражений, заявил, что ему срочно нужно переговорить с Лисбет Саландер. Пару минут в трубке было тихо, а потом снова заговорила Линдфорс:

– Только не сейчас.

– А что произошло? – поинтересовался Хольберг.

– Вы работаете с ее адвокатом? – в свою очередь спросила она.

– Как вам сказать, – вздохнул Хольгер. – И да, и нет.

– Это не ответ.

– Официально я этим не занимаюсь.

– В таком случае сейчас ничего не получится, – отрезала Линдфорс и повесила трубку.

Пальмгрен был вне себя. Потом гнев сменился беспокойством, и он долго лежал в постели, постукивая пальцами здоровой руки по одеялу и представляя себе картины одна кошмарнее другой. И во всем был виноват он, с самого начала. Тем не менее Хольгер попытался взять себя в руки. Ни к чему понапрасну распалить воображение. Ну почему он так беспомощен...

Тут следовало бы немедленно брать быка за рога. Но вместо этого Пальмгрен стонал, тяжело ворочая наполовину парализованным телом. Он не мог даже

сесть в инвалидное кресло без посторонней помощи – не говоря уже о том, чтобы с ним управляться. Но настоящая пытка началась ночью, когда Пальмгрен чувствовал себя приколотым гвоздями к матрасу, словно к кресту. «Моя Голгофа» – вот как он называл это время. Даже старина Экелёф со своим кулаком, поднятым среди кувшинок, не мог утешить его в такие часы. Хольгер взглянул на телефон. Он вспомнил, что ему как будто кто-то звонил, пока он ждал соединения с Флудберггой. И точно, это был Микаэль Блумквист. Пальмгрен обрадовался, когда прочитал его сообщение. Пожалуй, только Блумквист и мог помочь ему в сложившейся ситуации. Хольгер набрал его номер, но ответа не дождался. Пришлось звонить несколько раз, прежде чем в трубке послышался голос Блумквиста. Микаэль пыхтел и как будто задыхался, но Хольгер сразу понял, что это пыхтение иного рода, нежели его собственное.

– Я помешал? – спросил Пальмгрен.

– Нет, ну что ты, – отозвался Микаэль.

– У тебя дама?

– Нет, нет...

– Да, да... – послышался женский голос на заднем плане.

– Тогда не буду вас беспокоить. – Хольгер даже в критической ситуации нашел в себе силы оставаться джентльменом. – Я позвоню твоей сестре.

– Нет, нет, – испугался Микаэль. – Я сам пытался с тобой связаться. Ты ведь ездил к Лисбет, так?

– Да, и теперь очень за нее беспокоюсь.

– Я тоже. А что, собственно, случилось?

– В общем... – Хольгер замялся, вспомнив совет Блумквиста никогда не говорить о важных вещах по телефону.

– Что? – не выдержал Микаэль.

- Похоже, она что-то узнала.

- О чем?

- О чем-то таком, связанном с ее детством. Но самое страшное, что я снова выставил себя дураком. Я всего лишь хотел помочь ей... Послушай, может, приедешь и поговорим с глазу на глаз?

- Разумеется, уже выезжаю, - согласился Блумквист.

- Ни в коем случае! - закричал женский голос.

Хольгер попытался представить себе эту женщину. Потом вдруг вспомнил о Марите и унижительной процедуре, через которую ему предстояло пройти в ближайшие час или два. Зачем? Чтобы потом сидеть в кресле одетым во все чистое, попивать кофе, по вкусу больше напоминающий чай, и мучиться мыслями о Лисбет? Нужно было срочно выяснить, действительно ли Стейнберг один из тех, кто стоит у истоков самой идеи Реестра для изучения генетики и среды.

- Может, заедешь сегодня вечером после девяти? - предложил Хольгер Блумквисту. - Выпьем по бокалу вина, сегодня мне это было бы как нельзя кстати.

- Хорошо, тогда до вечера, - отозвался Микаэль.

Пальмгрен положил трубку и снова потянулся за документами Лисбет, которые лежали на ночном столике. После чего позвонил Аннике Джаннини и директору женской колонии во Флудберге Рикарду Фагеру. Ни он, ни она не отвечали. Тут Хольгер обнаружил, что стационарный телефон тоже не работает. Ко всему прочему несносная Марита опаздывала.

* * *

Лео Маннхеймер часто вспоминал тот далекий октябрьский день. Тогда ему было одиннадцать лет. Мама ушла на обед к католическому епископу, а папа

охотился с друзьями в лесу. Лео чувствовал себя одиноким в большом доме. Даже домработницы Венделы не было на месте. Мальчик решил воспользоваться внезапной свободой и, оставив книги и дополнительные задания, которыми его буквально заваливали частные учителя, сел за рояль. И не для того, чтобы играть этюды или фуги. Лео сочинял музыку.

Собственно, он занимался этим не так давно, и его увлечение пока не снискало родительского одобрения. «Детская чушь» – так отозвалась о его композициях мать. Но Лео не обижался. Не потому, что был всего лишь одиннадцатилетним мальчиком, который самостоятельно начинает большое дело, но потому, что признавал в словах матери некую объективность. Тем не менее сочинительства не бросал. И на занятиях с учителями только и мечтал что об этих часах свободы. В тот день он играл одну мелодию – грустную, как и сама его жизнь, и пугающе похожую на «Балладу для Аделины»[17 - «Баллада для Аделины» – пьеса французских композиторов Поля де Сенневиля и Оливье Гуссена.].

Его первые произведения были претенциозны. Тогда он еще многого не умел, даже не знал, что на свете существует джаз. Его аккорды резали слух. И главное – он еще не мог извлекать мелодии из жужжания насекомых, шелеста листвы под ветром, отдаленных голосов и городского шума. Но, несмотря на все это, весь тот день Лео провел за роялем и был счастлив, как может быть счастлив только мальчишка.

Собственно, он любил одиночество. Единственным другом Лео был психолог Карл Сегер. Каждый вторник в четыре часа дня Лео появлялся у него в кабинете в Брумме[18 - Район Стокгольма.] и нередко звонил ему вечерами тайком от родителей. Карл понимал его, как никто, и часто ссорился из-за него с Херманом и Вивекой. «Не лишайте мальчика детства! – кричал он. – Он задыхается, разве вы не видите?» Разумеется, его никто не слушал. Тем не менее Карл оставался на стороне Лео. Только он и его невеста Элленор.

Отец и Карл различались как день и ночь. Лео никак не мог понять, что связывало их друг с другом. Вот и теперь Карл почему-то отправился с отцом на охоту, хотя терпеть не мог, когда убивают животных. Лео считал Карла Сегера человеком другой породы, нежели отец и Альфред Эгрэн. Карл не интересовался политикой и не хохотал вместе со всеми за обеденным столом над какой-нибудь глупой шуткой. В кругу хозяев жизни он чувствовал себя чужим. Зато сразу находил общий язык с чудаками и одиночками, которых, благодаря своим научным изысканиям, понимал лучше других. Карл любил

поэзию, особенно французскую. Он читал Камю, Стендаля и обожал Эдит Пиаф. Одевался несколько небрежно, почти как художник. Но главное, он умел выслушать и был единственным, кто видел всю глубину таланта Лео – или его проклятия, как посмотреть.

«Ты очень чувствителен, Лео, – говорил Сегер мальчику. – Но ты должен этим гордиться. В тебе дремлют большие силы. Все будет хорошо, вот увидишь».

Каждый день Лео с нетерпением ждал еженедельной встречи с Карлом. Сегер держал частную практику в собственном доме на Грэнвиксвеген, где на стенах висели черно-белые фотографии с видами Парижа пятидесятых годов. Лео устраивался в потертom кожаном кресле, и начиналась беседа о том, чего не понимали ни его родители, ни друзья. При этом он отдавал себе отчет, что идеализирует Карла. После того октябрьского дня он всю жизнь только и занимался тем, что идеализировал его.

Итак, Лео сидел за роялем. Он играл, зависая на каждом звуке, следя за движениями мелодии. Но тут во двор въехал отцовский «Мерседес», и мальчик встал из-за рояля. Он был удивлен и напуган: папа должен был вернуться только в воскресенье вечером. Мальчик прислушался. Дом стоял погруженный в напряженную тишину, в любой момент готовую взорваться криком. Дверь комнаты Лео осторожно приоткрылась и тут же захлопнулась. В душе мальчика зашевелилось недоброе предчувствие. Гравий хрустел под тяжелыми отцовскими шагами. Потом на лестнице послышались вздохи. Должно быть, сейчас отец снимал верхнюю одежду и убирал ружье и ягдташ.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду деревянная скульптура, предположительно вырезанная мастером Б. Нотке по заказу регента Стена Стуре-старшего (1440–1503) в честь победы над датчанами в битве при Брункеберге (1471).

2

Сокращенное обозначение системы исправительных учреждений в Швеции (от шв. Kriminalvård).

3

Имеется в виду Бенито Муссолини (1883–1945) – лидер Национальной фашистской партии и премьер-министр Италии в 1922–1943 гг.

4

Крис, или керис, – национальный яванский кинжал с характерной асимметричной формой клинка.

5

Сикла – район в Стокгольме.

6

Соединение с базой данных... поиск... ответ (англ.).

7

Обход системы безопасности (англ.).

8

СЭПО (шв. S?PO, аббревиатура от S?kerhetspolisen) – Служба государственной безопасности Швеции, самостоятельное подразделение Главного полицейского управления Швеции (Rikspolisstyrelsen), в задачи которого входит раскрытие и предотвращение преступлений против государственной безопасности.

9

АНБ – Агентство национальной безопасности США.

10

Питер Мэй (р. 1951) – шотландский писатель, автор популярных детективов и триллеров.

11

Единый центр регистрации ценных бумаг (Värdepapperscentralen).

12

Район в западной части Стокгольма.

13

Мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо.

14

Нильс Дардель (1888–1943) – шведский художник.

15

В 1943 г. в Швеции была проведена так называемая «инвентаризация цыган» («zigenarinventeringen»), позже признанная незаконной.

16

Гуннар Экелёф (1907–1968) – шведский поэт, эссеист, переводчик.

17

«Баллада для Аделины» – пьеса французских композиторов Поля де Сенневиля и Оливье Гуссена.

18

Район Стокгольма.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/david-lagerkranc/devushka-kotoraya-iskala-chuzhuyuten>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)